

Маргарита ЮЖИНА

отдай
деньги!

Принцесса
в лопухах

Маргарита Южина

Принцесса в лопухах

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161191
Южина М. Принцесса в лопухах: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25689-1

Аннотация

Доморощенный детектив Аллочка Неверова втягивает своих родных в раскрытие очередного преступления. Погибла Виолетта, старшая дочь их знакомого богача Кирилла Назарова, и, хотя милиция считает происшествие несчастным случаем, у Аллочки сомнений нет: это убийство. Назаров несколько лет тому назад женился на очаровательной Жанне, подарившей ему дочку Машеньку. Многие прочат в преступники вторую жену Кирилла. Но мачеха души не чаяла в падчерице. И вдруг, не успела Аллочка развернуть бурную деятельность по поискам преступника, кроткая Жанна сделала ноги...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Маргарита Южина. Принцесса в лопухах

Глава 1

С больной головы на здоровую

Аллочка, пухлая спелая дамочка чуть старше сорока, кокетливо вышагивала рядом с худощавым, прыщавым мужчиной и игриво хохотала после каждого его слова.

– И, главное, я ему еще говорю... остороженько так намекаю: «Николай Николаич, когда вы, извиняюсь, мне зарплату надбавите? Мне нужно лечить язву!» А он мне: «А зачем ее лечить? Она у вас совершенно здоровая!» Идиот!

– Хо-хо-хо! Я с вас просто поражаюсь... – все сильнее прилипала Аллочка к костлявому плечу кавалера и нещадно строила ему глазки. – Сигизмунд Николаевич, вы такой уморительный! Ну почему? Почему вы не выступаете на эстраде? От вас с одного вида умереть можно!

Хохмач виновато бегал глазками по сторонам и только грустно пожимал плечами. Вообще-то, он жаловался Аллочке, что уже десятый раз в месяц просит прибавки жалованья, а начальник в одиннадцатый раз повышает заработок своей секретарше. А это в принципе большое несчастье и униже-

ние, когда тебе выписывают такую зарплату. И совершенно ничего уморительного он сказать не хотел. А уж умирать «с его вида» – и вовсе свинство! Прыщавый джентльмен хотел было даже обидеться, но Аллочка так сильно теребила его рукав, что сие не получалось.

– И что? – весело заглядывала она в глаза кавалеру. – И что вы еще ему сказали, мой искристый юморист?

– Главное, я ему говорю: «Мне нужен хороший уход!» – откровенно намекал Сигизмунд на то, что Аллочка ему этот уход и обеспечит. Причем совершенно бесплатно, по доброй, так сказать, воле. – А он мне: «Простите, но я за вами никак не могу ухаживать, у меня есть законная жена и любовница!» Паразит!

– У-ха-ха-ха! – старательно веселилась дама и мусолила рукав кавалера. – Ой, ну расскажите же! Расскажите еще что-нибудь о вашем начальнике!

Однако кавалер ничего поведать не успел – к парочке быстро подошла женщина в сером пальто, насильно сунула в руки растерянному Сигизмунду погребальный венок и зло сверкнула глазами:

– Чтоб вы сдохли вместе со своей кралей!..

Сигизмунд Николаевич поспешно ухватил эту красоту – он ужасно уважал непредвиденные подарки, однако взгляд его тут же уперся в черную ленту: «Я тебя в последний раз предупреждаю! Готовься к смерти».

Галантный кавалер вздрогнул, заморгал и резко развер-

нулся к подруге.

– Аллочка, это вам передали, – с силой всунул он даме подношение.

– Мне-е? – продолжала кокетничать Аллочка. – А мне кажется, это вам... вероятно, поклонница...

Шаловливо сложив покрашенные губки бантиком, женщина с силой пихнула венок обратно. Сигизмунд, часто и прерывисто дыша, прятал руки за спину – брать венок он не хотел ни в какую.

– Ну, берите!! Вам же передали! Его можно выгодно продать!! – уже весьма грубо оттолкнула подарок Аллочка. – И вообще! Где? Где эта баба, которая всучила вам эту пакость?!

– Да! – вытянул шейку Сигизмунд Николаевич, потом вдруг куда-то уставился и очень фальшиво воскликнул: – Ой! А вон и моя женушка, Аллочка, она гуляет с моей мамочкой! Дико извиняюсь, но спешу вас покинуть...

Отважный ухажер отлепился от руки подруги и мгновенно перебежал через дорогу. Аллочка только увидела, как его тощая спина ввинчивается в толпу прохожих.

– Трус... – презрительно скривила она губы. – Можно подумать, я не знаю, что он катастрофически не женат! Еще не известно, кому из нас всучили этот презент!

Она аккуратно устроила венок возле пивного ларька и твердым шагом направилась к своему дому – кавалер постыдно сбежал, а одной гулять не имело смысла.

Домой Аллочка вернулась раздраженной, в препакодном настроении, и даже веселый гомон домочадцев ее не настроил.

– Вот! – плюхнулась она на стул в кухне. Возле плиты колдовала Гутя – старшая сестрица, и именно ей принесла свое горе незадачливая невеста. – Вот я так и знала! И этот сбегал! Слушай, Гутя, кого ты мне все время поставляешь? Что за материал у тебя такой некачественный? Где отборный, породистый жених, я тебя спрашиваю? Ты бережешь его для богатой особы? Вспомни, что ты – моя кровная сестра. И устыдись! И вообще, я уже созрела для серьезного, далеко идущего романа. Я даже готова родить дитя. Осталось только отца найти...

Гутя работала свахой, считалась знатоком своего дела, имела отличную репутацию. Но свою родную сестрицу вытолкать замуж она уже который год была не в состоянии. И, естественно, была вынуждена ежедневно выслушивать все претензии младшенькой сестренки.

– Аллочка, а чем тебе Сигизмунд не приглянулся? – оторвалась от кастрюли Гутя. – Очень интеллигентный, серьезный молодой человек... Возьми и роди от него, если уж ты приготовилась...

– Во-первых! – подскочила Аллочка. – Он никакой не молодой! У него уже пятка на темечке светится. Плешь. Во-вторых. У него повышенная прыщавость. В-третьих... В-третьих – зачем мне такой уродливый ребенок? Ты этого Сигиз-

мунда видела? Это же морской конек, вид сбоку. Он весь в бородавках, в прыщах... Нет, если идти за него замуж, я потерплю, у него все-таки квартира. Но тогда ребенка надо рожать от кого-то другого. И в самых главных: он – негодяй! И мерзавец, потому что сегодня он меня бросил! Негодяй. Я уже это говорила?..

И она откровенно всхлипнула, успев затолкать в рот только что испеченную плюшку.

– Погоди... – опешила сестра. – Как это? Тебя бросил Сигизмунд? Но... он же сам меня просил найти ему хоть какую-нибудь женщину! Пусть будет уродина, старуха, но все же не одному жить... Признавайся, что ты ему сказала? Только не влижай!

Аллочка горестно метелила плюшки, и глаза ее с каждой минутой становились все печальнее.

– Ничего я ему не рассказывала. Ему кто-то веноч в руки сунул, наверное, его с какой-то могилки свистнули, а там черная ленточка и надпись золотом... ну, этот... слоган-то... «Я тебя в последний раз предупреждаю! Готовься к смерти!» И все – сбежал мужик!

– Так, может быть, он и побежал... к смерти готовиться? – осторожно предположила Гутя, но тут же сама себя одернула: – Хотя, зачем же ему готовиться? Он ведь не к нотариусу двинул...

– Гутя! – снова взвилась Аллочка. – Вот ты мне скажи! Отчего это меня постоянно преследуют всякие ненормаль-

ные? А твоя дочь Варька – психолог, между прочим. Никак не собирается помочь родной тетке? Вы хотите моей погибели, да?! Варвара! Пора уже, наконец, прекратить это безобразие! Я хочу найти этого писаку. И покарать! Он сегодня спугнул моего жениха!

Аллочка лукавила, когда на улице она говорила: «неизвестно, кому» предназначался веночек. Она догадывалась, что прощальный букет с ленточкой передали именно ей, а не трусоватому Сигизмунду, потому что подобные послания ей уже приходили. Неизвестно кому вдруг пришло в голову, что Аллочка задолжала ему крупную сумму денег, и с недавних пор ее нещадно терроризировали. Сначала звонили по телефону и заунывно тянули: «Отда-а-а-ай мои де-е-е-ньги!» Аллочка, конечно же, не отдавала – еще чего! У нее и своих-то никогда не было, а тут – чужие чьи-то! Что за дурь? А потом ей стали приходить эпистолярные сюрпризы. То письмо, где во весь развернутый лист шла корявая надпись: «Отдай деньги, сволочь!», то газеты с таким же текстом, а то и телеграмма: «Срочно отдай деньги жди смерти!». Причем кто-то явно сэкономил на союзе – было неясно: «Отдай деньги И жди смерти», или: «Отдай деньги ИЛИ жди смерти»? Сначала это ее немного нервировало, но после того, как Варька, племянница Аллочка, а по совместительству домашний дипломированный психолог, объяснила, что так долго никто не страшает – понадобилось бы, давно б тетю убили, – Аллочка немного успокоилась. А уж когда Сигизмунд Николаевич

стал приглашать ее на свидания, женщине и вовсе стало не до странных записок и звонков.

Дело в том, что все сестры Аллочки давно и удачно выскочили замуж, и только сама Аллочка да еще ее старшенькая сестрица Гутя так и тонули в океане одиночества. Хотя Гутя – это понятно. Дело в том, что другие сестры, собственно, повыходили замуж за бывших Гутиных мужей. Нет, это только на первый взгляд все кажется запутанным, а на самом деле... дело довольно-таки простенькое. Гутя – Гути-эра Власовна, предпоследняя из славных отпрысков семейства, – очень рано унеслась из родной деревушки в город, где моментально и выскочила замуж. На свадьбу приехала старшенькая сестрица, Марта, и так ей приглянулся Гутин муж, что она сразу же после свадьбы его и увела. Сестрица осталась с мужем, а Гутя – с маленькой дочкой. С Варькой. Однако легкий нрав девушки Гути привлек к ней нового супруга, и она совсем уж было утешилась, но... постаралась незаботливая родня. Поведение сестры-разлучницы в деревне резко осудили, и, дабы Гуте легче было строить отношения и чтобы маленькая Варька не мешалась под ногами у нового мужа, к ней в город была направлена следующая сестрица – Майя. Но и тут родственные отношения спасовали перед любовью – Майечка, как потом она сама объясняла, так прикипела сердцем к молодому супругу сестры, что не смогла удержаться – взяла и увела окаянного красавца. Гутя не отчаивалась и снова вышла замуж. Но, видно, в де-

ревне тоже не отчаивались – тут же была «выслана» очередная сестра, Декабрина, которая не стала ломать традиций, прилежно охмурила третьего Гутиного супруга и взяла его фамилию. И когда в деревне осталась только младшенькая – Аллочка (по паспорту – Февралина), Гутя решила с замужеством завязать. Она просто поставила сватовство на деловые рельсы и стала зарабатывать на этом деньги. Но каково было Аллочке?! Так обломать ее надежды! Конечно, девушка не стала высиживать в деревне, ожидая коня с принцем, она заявила к Гуте и потребовала причитающегося ей жениха. Но, несмотря на то, что в каталоге у Гути имелись женихи на любой вкус, Аллочке отчего-то никак не удавалось встретиться с тем единственным, который отважился бы повести ее в загс. А если кого-то и удавалось заманить на свидание, так с ним непременно что-то случалось. Аллочка уже совсем отчаялась встретиться со своей второй половинкой, как вдруг в каталоге Гути обнаружился скромный офисный сотрудник Сигизмунд Николаевич. И сегодня у Аллочки с ним было второе свидание. (На первом она прослушала подробную лекцию о внутренних органах кавалера: что и как у него болит, а также – какие суммы надо наскрести для его полного излечения.) Второе свидание начиналось куда как веселее, и вот надо же – подвернулась эта баба с веночком!

Аллочка решила раз и навсегда поставить в этом деле точку. Пора, наконец, наказать возмутителя спокойствия.

– Варвара! – закричала из кухни Аллочка. – Немедлен-

но нарисуй мне психологический портрет этого террориста!.. Гутя, ты возле чайника-то не крутись, сбегай, позвони Сигизмунду и скажи: ты его сегодня таким способом проверяла на благородство. И добавь, между прочим, что завтра, ровно в семь, у него будет еще одна попытка. Давай, звони, а то я так перенервничала, так перенервничала... Гутя!! А что, вчерашний борщ Фома уже доел?! Ну ничего нельзя в холодильнике оставить, буквально ничего, хоть с кастрюлей на свидание отправляйся...

Гутиэра Власовна уже сидела возле телефона. Не то чтобы она охотно подчинялась командам младшенькой сестрицы, просто все домочадцы давненько метали о том счастливом дне, когда спровадят Аллочку кому-нибудь в законные жены, потому что ее изысканный характер мог довести кого угодно до продолжительной депрессии.

Варвара отважно вышла из своей комнаты и, несмотря на загруженный рабочий день, терпеливо продолжала работать психологом – теперь уже дома.

– Аллочка... – тоном сотрудницы бюро ритуальных услуг начала девушка, – Расскажи подробно, что сегодня тебя так взорвало? Отчего такое настроение? Почему ты пришла со свидания так рано и совсем нерадостная? Обычно ты сверкаешь, как новенькая копейка, до того момента, пока не сбежит жених. Неужели сегодня он уже удрал?

– Позорно драпанул, – прищурилась Аллочка. – Прямо с первого свидания! Паразит! Хотя нет – со второго...

– Быстро... – задержала бровками племянница. – Это говорит о том, что жених сегодня пошел умный.

– Это говорит о том, что трусливый пошел женишок! Дохленький! – накинулась на девчонку Аллочка. – Этот Сигизмунд как получил венок, так сразу и смотался! Еще и наврал с три короба, что женат! Да кто за него пойдет? Кроме меня... Что ты моргаешь, Варька? Я к тебе обращаюсь официально – нарисуй мне портрет типа, который мне эти послания отправляет!

Варя замахала руками:

– погоди, погоди, Аллочка! Ну зачем рисовать-то, когда ты сама можешь вспомнить! – И снова у Варьки взгляд сделался немного больным, как подобает и как свойственно психологам. – Припомни, пожалуйста, как выглядел человек, который передал тебе... Кстати, а что он на этот раз передал? Газету? Письмо?

– Вено-о-о-ок! Ну кому я тут ору?

Пришлось Аллочке подробно, с выражением, рассказывать племяннице, как и что произошло сегодня, на втором свидании.

В это время Гутя у телефона заливалась соловьем:

– ...Конечно, это была Аллочкина шутка! Вы же умный мужчина, неужели не догадались?.. Ах, вы не настолько умный? Что-то в этом духе я и подозревала... Да нет, ничего, просто я говорю: кто же будет ухаживать теперь за вашей больной печенью? Наша Аллочка – исключительная сидел-

ка! Она специально обучалась долгие-долгие годы...

– Гутя! Я не собираюсь быть сиделкой! – на секунду оторвалась от рассказа Аллочка. – Нет, я, конечно, могу посидеть, но только возле умирающего миллионера. И только в качестве законной жены. И чтобы завещание по полной форме!

– Вот видите! – радостно воскликнула Гутя. – Она уже готова сидеть у вашей постели! Если хотите, она завтра же придет, чтобы облегчить ваши страдания!..

– Гутя! Он же нищ, как церковная крыса!! – рванулась к телефону сестра, но ее удержали крепкие руки Варьки.

– Итак, Аллочка, не отвлекаемся! – сурово произнесла племянница. – Как выглядела эта женщина? Она была высокая? Низкая? Брюнетка? Блондинка?

Аллочка ошалело посмотрела на Варьку:

– Варя! Какая мне разница?! Пока мы баб обсуждаем, моя родная сестра выталкивает меня в вечные сиделки к этому нищему скупердяю Сигизмунду! А он, между прочим, даже пирожок мне купить не догадался. Я чуть с голоду не опухла. Гутя!

Гутя уже отошла от телефона, на лице ее блуждала загадочно-довольная улыбка.

– Ну-у, Аллочка, – замурлыкала сестра. – Можешь меня благодарить! Завтра Сигизмунд будет ждать тебя вечером, дабы загладить свою вину. Он назначил свидание возле шестой поликлиники.

– А почему не возле морга? – буркнула Аллочка. – И вообще – мне хотелось бы принца... А этот Сигизмунд... Ты хочешь вытолкать меня за первого встречного!

Гутя с дочерью протяжно вздохнули – начинался ежедневный спектакль под названием «Никто не любит бедную сиротку. Чем жить в такой нелюбви, лучше перебраться на вокзал». Причем у сиротки имелись вполне здоровые родители, но ехать к ним в деревню несчастной даже не приходило в голову.

Варька бегом смоталась в свою комнату и притащила здорового кота Матвея – только ему удавалось излечить вечную невесту от тоски. Аллочка и сейчас уткнулась в морду сонного котяры, и ее завывания стали тише на два тона – кот не переносил громких звуков: он царапался.

– Матюша-а-а... Ну почему я не родилась кошкой, а? Жила бы себе в деревне, спала на сеновале, гоняла мышей и была бы абсолютно счастлива!

– А что тебе сейчас мешает? – внезапно появился в дверях муж Варьки Фома. – В деревне! На сеновале! За мышами! Сказка!

Мать и дочь быстро переглянулись. Теперь уже вечер грозил превратиться в маленький смерч.

– Аллочка, – вдруг всплеснула руками Гутя. – Что же я молчу? Нас Назаровы на день рождения пригласили. Я сразу хотела тебе сказать, да ты меня перебила!

– Когда? Когда идти? – встрепенулась Аллочка и тут же

забыла и о Фоме, и о Сигизмунде. – Матюша, ты пока на диванчике полежи, а то нам на день рождения... Гутя! Куда ты задевала мое выходное платье? Варя! Чур, я надену твой палантин!

Назаровы были людьми очень приятными. Первой познакомилась с ними Гутя: несколько лет тому назад к ней обратился весьма состоятельный господин и попросил выдать замуж его престарелую матушку. Матушка не могла перенести того, что сынок вырос, его уже не требовалось воспитывать, и всяческие команды маменьки повзрослевшее дитятко выполняло без особого рвения, а частенько и вовсе отказывалось. Очень любезно, но отказывалось. Старушка явно угасала. И Гутя, можно сказать, спасла положение – выдала старушку очень быстро и удачно. Может быть, еще и потому, что сынок – Назаров Кирилл Андреевич – давал за маменькой нешуточное приданое: квартиру и обещание ни в чем ей не отказывать. На эту роскошь слетелось так много желающих, что пожилая женщина смогла отловить действительно ценный экземпляр – избранник подчинялся безоговорочно, боготворил супругу каждую минуту и безвозмездно пользовался ее финансами. Как бы там ни было, почтенная дама на старости лет приобрела любящего супруга, а сын – долгожданное спокойствие.

Долгие годы это спокойствие нарушала жена самого Кирилла Андреевича. Женщина пристрастилась к алкоголю, забросила мужа, забыла о дочери и все быстрее опускалась

на дно. Кирилл Андреевич развелся. Дочь воспитывал один, на женщин больше не надеялся. Узнав об этом, Гутя подсустилась – не ожидая, пока к ней обратятся, свела Кирилла Андреевича с милой, замечательной Жанночкой. И за это Кирилл просто не знал, как сваху благодарить. Жанна была тридцати лет от роду, с прелестным лицом, имела ангельский характер, да к тому же весьма скоро подарила мужу дочку Машеньку – существо совершенно очаровательное. Кирилл Машеньку просто обожал. Да и не только Кирилл. И сама Жанна, и старшая дочь, Виолетта, души не чаяли в крохе. Машеньке в эту субботу исполнялось три года, и вот уже больше трех лет в семье Назаровых царили любовь, забота о ближнем и понимание. Благодарный клиент сделал Гутю крестной матерью, перезнакомил своих женщин с Аллочкой, Варькой и Фомой, и теперь Назаровы и Неверовы дружили семьями.

Ходить к Назаровым Аллочка просто обожала. Если Варька сразу убегала к Жанне и молодые женщины там целый вечер шуршали журналами, если Гутя мгновенно прилипла к Машеньке, а Фома усаживался рядом с хозяином и за бутылочкой пивка вяло спорил о политике, то Аллочка сразу же неслась в бильярдную. При виде роскошного стола с темно-зеленым сукном, на гнутых ножках из красного дерева, Аллочка просто немела. Вообще-то, она и раньше неровно дышала к бильярду, еще дома, в деревенском клубе. Но господи ты боже мой! Разве можно было сравнивать тот би-

льярд с этим! В клубе шары напоминали обгрызенные яблоки, сукно порвалось и было небрежно прибито гвоздями, кии давно потерялись, и деревенские мужики не гнушались гонять шары черенками от лопат. В деревне к бильярду Аллочка пристрастилась вовсе не из-за самой игры, а... честно говоря, потому что там собиралось больше всего мужиков. Это и привлекало. А здесь... Правда, Аллочка еще не разузнала всех правил игры, редко попадала в цель и долго искала – куда убегают из лузы забитые шары? Но ей активно помогала Виолетта, старшая дочь Кирилла. Девчонка не хохотала над неуклюжей Аллочкой, а только махала рукой:

– А, ерунда, получится, – и снова принималась учить го-стью.

Аллочка настолько пристрастилась к игре, что буквально бредила кием, лузами и шарами. К тому же шофер Кирилла Андреевича неоднократно посматривал на Аллочку. И даже один раз подмигнул. Правда, в тот момент он был пьян в зю-зю. И все же, все же...

Поэтому сейчас, услышав о приглашении на день рождения, дама всполошилась не на шутку:

– Гутя! Мне нужны деньги! А сколько времени? Я успею сбежать купить себе новые колготки?

– Аллочка... – попыталась успокоить ее сестра. – Назаровы нас ждут только в субботу. Но ты можешь... заняться спортом! Чтобы привести себя в форму. Тебе и надо-то всего пять-десять килограммов сбросить...

Аллочка с готовностью кивнула и унеслась к себе в комнату, громко шлепая тапками. Гутя с Варькой выдохнули – теперь можно было спокойно заниматься своими делами, Аллочка будет приседать часов до одиннадцати.

Вскоре из комнаты Аллочки и в самом деле послышалось активное сопение, кряхтение и даже кряканье. Потом кряканье перешло в мерный храп, и Гутя, заглянув к сестре, увидела, что та сладко спит, устроившись возле кровати на цветастом коврикe.

– М-да... – протянула Гутя. – Аллочка сегодня перенервничала... А этому Сигизмунду!.. Если он опять сбежит!..

На следующий день у Варьки был выходной. Честно говоря, она и работала-то всего три дня в неделю, зато отдавалась делу с душой. Остальное же время девушка занималась чтением нужных книг, ждала с работы мужа и наводила в доме порядок, что в ее понимании считалось элементом изучения семейной психологии. Фома убежал в свою клинику, а Гутя с утра пораньше полетела устраивать чье-то очередное личное счастье. Поэтому ничто не мешало племяннице с тетушкой заняться серьезным делом.

– Аллочка, я вчера всю ночь размышляла... – задумчиво жевала Варька вчерашние мамины булки. – Я смогу тебе нарисовать портрет.

Аллочка еще не вполне проснулась, но после Варькиных слов отчаянно захлопала ресницами:

– Варь, только ты меня нарисуй такой стройненькой и та-

кой... блондинкой, а волосики длинные, до пояса, сможешь? А ножки чтоб так – опс! От бедра! От коренных зубов! И лицо чтоб красивое!.. – захлебывалась пожеланиями тетюшка и вдруг насторожилась: – А с чего это тебя на портреты потянуло? И почему это я первая? Ты лучше на маменьке своей попробуй.

Варька, выпучив глаза, возмущенно смотрела на тетку:

– Аллочка! Ты уже все забыла, что ли? Я ночи не сплю, а ты забыла?! Какие волосики? Какие зубы с ногами?! Я психологический портрет террористки нарисовала! Словесный!

– А-а-а... – разочарованно протянула тетка. – Ну давай... хоть что-нибудь...

– В общем, так, – оживилась Варька. – Скорее всего, это молодая девушка. Я бы даже сказала – девчонка, ученица. У нее постоянно нет денег, она насмотрелась глупых фильмов, и те сделали свое черное дело – девчонка уверена, что можно запугать любого, и этот самый «любой» сразу же выложит ей все деньги. Девчонка еще не знает, каково это – самой зарабатывать, думает, это легко! – Варька в запальчивости даже глаза прикрыла. Но вдруг скисла. – Хотя... Кому я говорю? Можно подумать, ты сама когда-то работала...

– Но зато я смотрела, как другие работают! – искренне возмутилась Аллочка. – Давай, рассказывай, что у тебя еще?

Варька с минутку подумала – стоит ли, но потом решила, что результаты анализа тетка просто обязана знать.

– Девчонка не стала выискивать богатую молодую особу,

из которой, вероятно, вытрясти деньги не удалось бы. Она выбрала неуклюжую, недалекую женщину, с неразвитой мушкетерской, безвкусно, но прилично одетую, по чьему лицу видно – она не великого ума...

– Кого это она выбрала? Она же мне пишет! – напомнила Аллочка.

– Я о тебе и говорю. Девочка уверена, что именно этого человека она без труда запугает и получит деньги. Заметь – она ни разу не указала сумму, какую следует отдать. То есть – отдай любые деньги.

– Кому? – ехидно сощурилась Аллочка. – Кому я отдам? Нет же никого! Только записки, а в них ни адреса, ни имени – кому их нести-то?

– М-да... – задумалась Варька и потянула ко рту пустую кружку.

– И вообще, ерунда этот твой портрет, – категорично заявила Аллочка. – Я, конечно, не рассмотрела женщину, которая мне венок всучила, но точно говорю – она уже давненько из школьного возраста выскочила!

Варька вдруг блеснула глазами:

– Стоп! Я все поняла! Это... вовсе не тебе венок предназначался! Это для твоего Сигизмунда! Просто у него завелась какая-то женщина, она его страстно любит и не хочет, чтобы он с тобой встречался! Вот и шлет ему всякую пакость!

– А зачем она мне звонит? – вспомнила Аллочка прошлые

звонки.

– Как это – зачем? Затем, чтобы ты отстала от ее кумира!

– Господи, Варька... – уныло проговорила Аллочка. – Ты сама-то этого Сигизмунда видела? Кумира! Да ему на блошином рынке грош цена... Это уж я так, из жалости женской с ним согласилась встретиться, а другая... Да кому он на фиг сдался?

Варька видела фотографию Сигизмунда, мама показывала. Поэтому и настаивать на своей позиции не стала. Аллочка проговорила:

– А вообще, мне эта версия нравится. Кто его знает, вдруг он в молодости был сказочным красавцем? И есть дурочка, которая сходит от него с ума... Между прочим, Варя! Эта женщина с подарочком тоже была не фонтан. Такая... никакая в общем, иначе б я ее запомнила, взревновала бы, а я никакой ревности не ощущала... наоборот – превосходство. Так что, Варька, ты настоящий психолог, взяла и успокоила! А теперь дай денег, мне нужно в магазин. Не пойду же я к Назаровым в старом платье!

Денег у Варьки хватило только на новые колготки, но и это подняло тете настроение. Аллочка вылетела из дома и понеслась в магазин.

Конечно, она и не думала покупать себе одни только колготки, слава богу, в ее кошельке лежали некоторые денежки, которые она мечтала потратить на сногшибательное платье. Правда, она еще не совсем представляла, куда в таком обал-

денном платье заявиться, не к Гуте же на посиделки одиноких дам-с. А тут – пожалуйста! Так неожиданно случай подвернулся! Теперь самое время тряхнуть кошельком и на смерть сразить шофера Степу. Он немного моложе ее, но вполне достоин внимания. И молчит всегда загадочно, и фигура у него, и лицо, и деньги... Хотя деньги, конечно, не главное. Чтобы удивить такого парня, наряд надо покупать не на китайском рынке, ясное дело – тут требуется фирменный крупный магазин. И хоть в городе их было великое множество, Аллочка направилась в самый роскошный.

Цены в этом магазине убили ее сразу. Немедленно захотелось повернуться, двинуться к двери и извиниться при выходе. Однако Аллочка стойко подавила эту слабость и храбро направилась к отделу женского платья. В конце концов, она может просто запомнить фасон, а потом они с Варькой сошьют такое же.

– Аллочка! – вдруг кто-то воскликнул за спиной так неожиданно, что та даже присела. – Вот так встреча!

Перед ней, источая прекрасный аромат неведомых духов, стояла Жанна Назарова, а рядом с ней улыбалась во все зубы тоненькая, как березка, Виолетта.

– А мы с Веткой пришли себе наряды выбрать, – охотно объясняла Жанна. – Вы не забыли, мы вас в эту субботу ждем!

Аллочка немножко перекривилась. Хорошо хоть у Жанны хватило такта не воскликнуть: «А вы здесь как оказались?»

Пришлось бы объяснять, что она забрела просто так... посмотреть... потому что Жанна точно знает, что на такие покупки денег у Аллочки не наскребется.

– Аллочка! – не умолкала Жанна. – Ну скажите же Ветке, что это милое платьице ей необычайно к лицу!

И она протянула на суд знакомой чудеснейшую вещь из тончайшего материала небесно-голубого цвета. На подоле сказочной «тряпочки» болтался ярлычок, где была четко напечатана не менее сказочная цена.

– Ой, ну Жан, ну чё попало! – надуло губки шестнадцатилетнее дитя. – И куда я в таком цвете? Отстой.

Жанна принялась доказывать с новым пылом:

– Вета! Ну какой отстой? Ты молоденькая девушка, нежная, чистая. Кому же это надевать, как не тебе? Посмотри, как на фигурке смотрится обалденно. А к глазам как подходит. Аллочка! Ты посмотри, что она хочет взять!

И Жанна ткнула Аллочке чуть ли не в нос вешалку с черной невзрачной кофтой.

– Вот! Этот ужас она хочет напялить.

– Чё это ужас-то? – выпятила губу Виолетта. – Нормальный прикид. У нас сейчас все так ходят.

– Да эти ваши все! – сверкнула глазами Жанна, но сдержалась, отвела взгляд в сторону. – Просто сил никаких нет...

Аллочка забрала вешалку с голубым платьицем и расправила его на плечах у девочки.

– Ну, и что тебе не нравится?

– Да ну на фиг! Как у Машутки, – фыркнула девчонка. – Я ж не трехлетка. Еще рюшечки пришить и кружева по подолу. И соску в зубы!

– Ты что – слепая? Какие рюшечки, когда здесь декольте, как у Памелы Андерсен?

Девчонка насторожилась и скосила один глаз.

– И потом, – наседала на нее Аллочка. – Дикое мини на трехлетке смотрится умильно, а на шестнадцатилетней... что же это за слово-то... эротично! Нет, ну, если ты хочешь смотреться на полный тридцатник, тогда конечно – только эту лягушачью шкуру.

Девчонка еще раз посмотрела на платье и нехотя протянула:

– Ну ладно, Жан, давай купим...

Но теперь уже и сама Жанна не торопилась в кассу.

– Аллочка, погоди-ка... а что там с декольте? Правда, огромное? Мне показалось... Ветка, ну встань ты ровно! Точно. По самый пуп! Не берем эту пакость.

– Жанна! Ну почему не берем-то? – заканючила Ветка. – Ну, я уже хочу!

– А я не собираюсь выставлять дочку словно на панель.

– И не выставляй! А я тебе не дочка! – в запале выкрикнула Ветка.

– Ну и что? – не стушеввалась Жанна. – И тебя не собираюсь выставлять. Потому что ты мне все равно как дочь. Девушка! Заберите платье.

– Девушка! – завопила Ветка. – Не забирайте!

– Стоп! – рявкнула Аллочка. – Ветка, иди, примерь его, а мы посмотрим, как оно на тебе...

Девчонка схватила платье и унеслась в кабинку, а Жанна смущенно покачала головой.

– Аллочка, если бы вы знали, как мне сложно с этой дурочкой...

– А вы умнее будьте, – пожала плечами Аллочка. – Возьмите и купите ей это платье. Оно же вам понравилось?

– Да, но... У нее же вывалится из него вся грудь!

– Я вас умоляю, чему там вываливаться? – поморщилась Аллочка и добавила: – В конце концов, сделайте, как наша мама. Мы тоже с Гутей шили себе платья с огромными вырезами. А маменька не спорила. Просто, когда мы их надевали, они оказывались прочно зашитыми – именно в области декольте.

– То есть... – Жанна поняла и радостно кивнула головой. – Я же потом могу незаметно ушить декольте!

– Да, – улыбнулась Аллочка. И буркнула уже себе под нос: – А она потом его распорет...

Однако платье на Ветке смотрелось изумительно. И хоть вырез оказался такой, что его не профессионалу и ушить было бы невозможно, этого и не требовалось – платье словно специально было сделано для Виолетты Назаровой.

– Жан! Смотри, как классно! Уй-й-й, – в восторге закружилась Ветка. – Жанночка! Какая ты молодец, что заставила

меня его купить. А я такая дура! Аллочка! Спасибо вам.

Жанна с Аллочкой только переглянулись – они и сами не думали, что оно будет сидеть как влитое.

– Аллочка! Обязательно к нам приходите! Обязательно, – щебетала счастливая Ветка. – Мы будем с вами играть в бильярд, а еще... еще я познакомлю вас со своим парнем.

И Аллочка увидела, как недобро сверкнули глаза Жанны. По всей видимости, парень этот ей был явно не по душе. И все же мудрая мачеха сделала вид, что ничего не расслышала, подхватила пакетик с покупкой и устремилась к кассе. Виолетта быстренько попрощалась с Аллочкой, еще раз напомнила о бильярде и побежала догонять Жанну.

После их ухода разглядывать платья Аллочке расхотелось. Вот ведь, кажется, такие милые люди, такие простые, хорошие знакомые, а какая между ними и Аллочкой пропасть! Они с легкостью могут позволить себе любое платье в этом магазине, а она только посмотреть и пришла...

– Вы что-нибудь ищите? – подскочила к задумчивой Аллочке девочка в форменном платье. – Могу я вам чем-то помочь?

– Да! – рывкнула Аллочка. – Одолжите мне денег!

И, не дожидаясь, пока ошалевшая девчонка придет в себя, покинула магазин.

Дома Аллочка хотела было всю настрадаться по поводу своей несложившейся судьбы, а заодно и высказать претензии сестрице – отчего это она познакомила Назарова с ми-

лой, но все же Жанной, а не с такой прекрасной собственной сестрой Аллочкой? Короче, накопилось кое-что для скандала. Однако, переступив порог, Аллочка сникла – все скандалы отменялись, теперь их семье требовалась прочная круговая оборона и дружеская поддержка – к ним приехал папенька!

Папенька, Влас Никанорыч, в последний раз объявился, когда Аллочка чуть было не вышла замуж: приезжал на свадьбу. И городское житье у дочерей папуле так понравилось, что его не сразу удалось выдворить обратно в деревню. Пришлось даже высылать подложную телеграмму на его имя. И вот теперь – пожалуйста, не прошло и года, как папенька появился вновь.

– Ну, Февралинка моя, здравствуй, здравствуй! – крепко прижал к отеческой груди дочурку отец и обдал ее стойким запахом перегара.

За одну эту «Февралинку» Аллочка готова была отца лишить спиртного года на полтора. Это ж надо так учудить! Батюшка, еще будучи молодым комбайнером, взял в жены маменьку, и отчего-то вздумалось ему, что эта милая девушка (маменька тогда еще была абсолютно молоденькой) будет рожать ему непременно мальчиков. Но у милой девушки оказался норовистый характер, и из роддома она приносила исключительно девочек. К потомкам женского рода отец готов не был. Он даже посчитал себя несколько оскорбленным. Дабы умаслить супруга, мать сдуру доверила комбай-

неру выбирать имена для дочек. А тот, взрощенный на деревенских обычаях, долго думать не стал – в каком месяце родилась малютка, так и называл – как у них в деревне скотину именуют. Так и появились у них прекрасные дочери с романтическими именами – Декабрина, Марта, Майя; кстати, Гуте посчастливилось родиться Августой. Это уж потом, посмотрев «Человека-амфибию», она взяла себе гордое имя Гутиэра. Аллочка же и вовсе умудрилась родиться в феврале. И хоть ненавистное имя она давно поменяла, трепетный папенька так и звал ее по-коровьи – Февралиной.

– Проходи, Февралинушка, проходи... Соскучилась, поди, по папке? Вижу, вижу, скучала. Ну, ничего-ничего, теперь я не уеду: теперь я здесь буду жить!

Аллочка беспомощно оглянулась на Гутю. Та стояла, словно плакальщица в траурной процессии – склонив голову и прижимая к глазам платочек, только что не выла в голос. И Варька рядом с ней хлюпала носом – совсем, видать, с собой справиться не могла, психолог, называется.

– У нас тут несчастье... – горестно проговорила Варька. – Дед с бабушкой разводится.

– Совсем, что ли?! – вытаращилась Аллочка на отца.

– Совсем, дочура! – рубанул ладонью Влас Никанорыч. – Окончательно!

– Я говорю – совсем вы с ума посходили? – рявкнула дочь. – Куда вам расходиться? Что не поделили – корову? Так их у вас две! Гутя! Давай им еще одну корову купим.

Отец упер руки в бока и медленно, но жестко проговорил:

– Коров нам хватает... А с матерью вашей... Варька! Накрывай на стол. Не могу больше, сил нет терпеть! Наливай!

Только после третьей стопки, когда все Неверовы уже и не надеялись узнать всю правду, Влас Никанорыч заговорил.

– Запил я, – чувственно начал он и заранее смахнул слезу. – С мужиками сено скосили, и я немного выпил, с устатку... Недолгопил, понимаю ж – дома и крышу починить надо, тут еще проводка электрическая полетела... и погреб опять же надо почистить... Вы-то хрен когда приедете, ручки марахать не желаете! Только деньги суετε! А фи́га я с этими деньгами-то сделаю? Только пить на них и остается. Пил я себе, пил... а потом, через неделю, прихожу домой-то... прихожу... а мать ваша! С мужиком!

– Ка-а-ак?! – не поверила Аллочка. – Обалдеть! Прямо так и с мужиком? В постели?

– Ты чё мелешь-то, дура?! – треснул ее ложкой по лбу отец. – Чего на мать родную плетешь? Как это она в постели с мужиком? Нет! Он, как и полагается, возле лампочки торчит, проводку чинит, а она чегой-то все возле печки вьется.

– И что? – поторопила его Гутя. – Она возле печки, он на лампочке висит, и что?

Отец выпучил глаза:

– И ничего! Обиделся я. И прямо так и заявил: «Ежли, говорю, тебе чужой мужик милее, так и оставайся с ним, неверная!» И все. И уехал к вам. Бросил я ее. Ты, Гуть, вот чего:

ты б мне сыскала бабенку, а? Чтоб городскую, а? Фом, может, у тебя какая знакомая на примете имеется?

Фома нервно вздрогнул и уставился на Варьку. Если бы у него и имелась по нелепой случайности какая-нибудь безнадзорная знакомая, он бы не признался даже под пытками.

– Ну? Что молчишь? – ткнула его в бок Варька. – Имеется? Помоги дедушке.

– Откуда? – честными глазами заморгал Фома. – Откуда у меня женщины? У меня ж только больные!

– Придется искать... – грустно выдохнул Влас Никанорыч и опрокинул еще рюмку. – Гутя! Слышь, чего батя говорит? Искать, говорю, вам придется... себе новую мамку!

– А я вот что думаю, – сверкнула глазами Аллочка. – Что нам легче нового папку найти. А что? Будет он жить в деревне, мы ему бычков на откорм купим, дело свое заведет, деньгами помогать станет... А если у того папки еще и квартира в городе случайно окажется, так я сразу же туда и пропишусь! Чтоб кому другому не досталась. Гутя, посмотри, у тебя там, кажется, Иван Иванович на примете имеется, очень он пасекой интересуется...

– Эт-то какой такой Иван Иванович, а-а?! – побледнел Влас Никанорыч и стал медленно подниматься со стула. – Эт-то кого вы себе там отыскиали еще? Какого такого папку, я интересуюсь знать! Бычков они ему купят! А мне?! Где мои бычки?!

– Пап, а какие ж тебе бычки, если ты, как маятник – из

деревни в город, из города в деревню? – не сдавалась Аллочка. – Сколько можно матери нервы трепать?

– Я ей ничего не трепаю! Не... треплю. Я!.. Я, может, ей того... отдохнуть от себя дал? Чтоб она успокоилась, не психовала, а то ить она ж меня после того запою прямо чугуном по темечку-то, прям чугуном! Во, глянь! Фома, ты ж врач! Глянь, говорю... вот тут, аккурат на темечке, закрытая рана... Видишь?

На темени отца и в самом деле проглядывался кровоподтек.

– А об спину мою все коромысло разломала! Щас покажу... Это я ниже поясницы удары-то принял... Девки! Ну, чего выпялились? При вас, штоль, штаны-то скидать? Фома! Иди, тебе покажу, ты как врач пронаблюдаешь...

– Да ладно, – отмахнулся Фома. – Я вам верю.

– Ну вот! И как же я останусь? – не успокаивался батюшка. – Это она меня днем так-то изувечила, а что ночью придумает? Она ж ночью меня точно, как барана, – на кол, да в печку! А к утру – пожалте: барашек на вертеле!

Отец так разобиделся, что даже остатками водки ни с кем не стал делиться, допил прямо из горлышка, так, обиженный, и отправился спать. Утром папаша не знал, куда девать глаза.

– Девчонки, вы, это... матери хоть письмишко-то черкните, – попросил он, собирая вещички.

– Пап, ну какое письмишко, если мы ей звоним через

день, – удивилась Гутя.

– Черканите, – настаивал папаша. – Чай, рука не отсохнет. А я, как приеду, сразу ей в зубы – письмо! И она тут же сообщит, что я не где-то по девкам шлялся, а навещал родных деток. Да напишите вы письмо, едрена корень!

Дочери не только написали письмо на двух листах, но и набрали полную сумку гостинцев; попросту сгребли все, что лежало в холодильнике.

– Ну и славно... – успокоился батюшка, потом на секунду приткнулся к Фоме и скороговоркой протараторил: – Фомка, а ты там приглядывай, может, попадется какая молоденькая инвалидка, чтоб только с квартирой и с лица хорошенькая. И сразу же звони!

Пока Фома растерянно хлопал глазами, Аллочка уже совала папеньке пакеты в руки, а Варька придвинулась к супругу вплотную – родной дедушка ей доверия не внушал.

Влас Никанорыч спешно простился и быстро сбежал по лестнице.

– Гутя! Посмотри, который час? – взволновалась Аллочка. – Нам сегодня у Назаровых во сколько надо быть? Мы не опоздали уже?

Гутя даже на часы не стала смотреть:

– Нам к пяти, успеем.

– Ага, успеем! К пяти, а у меня еще кудри не завиты, маска не наложена! – металась по комнате Аллочка. – Куда опять задевали мои бигуди? Фома! Ты не видел?

Фома только дернул бровью, а потом тихо прошептал на ухо жене:

– Варь, у меня внешность изменилась, что ли? Один просит, чтобы я его к девкам сводил, другая вообще – решила, что я трансвестит...

– А это потому, что ты мало времени уделяешь супруге! – тут же нашлась Варька и кинулась на защиту мужа. – Аллочка! Между прочим, ты свои бигуди зачем-то засунула в холодильник, наверное, опять их от мамы прятала, сама вытаскивай свои крабовые палочки.

Аллачка, обиженно сопя, вытащила бигуди (они отчего-то и впрямь нашлись в холодильнике) и принялась готовиться к вечеру. Назаровы всегда гуляют на широкую ногу, и сегодня обязательно будет Степан – шофер Кирилла Андреевича, а значит, и выглядеть надо на все сто.

Назаровы жили в коттеджном поселке, езды до их дома было минут двадцать, а потому Неверовы были готовы за полчаса до назначенного времени, и новенькая машина Фомы уже стояла у подъезда, когда Гутя вдруг схватилась за сердце:

– Какой ужас! Стыд какой! Боже, какой стыд! – вдруг воскликнула она, забегала по комнате, прижимая ладошки к щекам, и только повторяла: – Господи, ну как же неудобно! Боже, оказывается, у всех нас воспитание хромает на обе ноги!

– Да его вообще нет, а что случилось? – равнодушно отозвался зять.

– Мама, наверное, просто забыла накрасить губы, – предположила Варька.

У Аллочки была своя версия. Она подскочила к сестре и зашипела ей в самое ухо:

– Что ты опять натворила, горе мое? Признавайся – наде-
ла мой новый лифчик, да? Который я за пятьсот рублей ку-
пила? Говори же!

Гутя вытаращилась на нее с полным непониманием, неко-
торое время хлопала ресницами, потом покрутила пальцем
у виска:

– Аллочка, ты что?

– Фома, о воспитании ты верно заметил, – тут же прого-
ворила Аллочка. – Гутя, признавайся – что ты учудила?

– Да почему это я?! Это все мы, – накинулась на родню
Гутя. – Целую неделю собирались к ребенку на день рожде-
ния, а о подарке и не подумали!

У Аллочки вытянулось лицо:

– Так ты до сих пор не купила Машеньке подарок? Какое
свинство с твоей стороны!

– Да почему с моей-то?! Ты, что ли, купила? – возмуща-
лась Гутя.

Но ее уже не слушали.

– Мама! Бегом в машину. Сейчас можно купить все, что
хочешь. Мы еще успеем.

– Конечно, если только ты не забудешь взять деньги, – ак-
куратно напомнила Аллочка.

В подарок девочке Неверовы купили замечательную куклу, ростом даже не с Машеньку, а с саму Гутю. Покупкой все остались ужасно довольны, правда, из-за этого немного опоздали на торжество. Они уже придумали оправдание, дескать, Аллочке стало в машине дурно, и пришлось несколько минут потратить на ее самочувствие, однако их опоздания никто не заметил. Гости с детьми собирались раньше, они уже вытерпели выступление клоунов и скоморохов и теперь жадно поглядывали на столы.

– Гутя! Аллочка, Фома, проходите, – кинулась встречать их радушная хозяйка и тут же, по старой традиции, вытолкнула вперед вконец уже замотанную именинницу. – Машенька, провожай друзей в гостиную!

Комната была украшена шарами, цветами и гирляндами. Между скучными взрослыми гостями степенно прохаживались малыши, и только изредка, забыв обо всех правилах приличия, они нет-нет, да и затевали перепалку между такими же малышами, начинали играть в догоняжки или (что уж совсем было неприлично) прятались за тяжелые портьеры. Напыщенные мамочки шикали на детвору, но с каждой минутой удержать младший гостевой состав становилось все труднее.

Аллочка пробежала глазами по приглашенным. Несколько пар с детьми, три степенные старушки, два одиноких молодых человека, один из них – невыносимый красавец, тройка накрашенных девиц с затуманенным взором, вероятно,

подруги Жанны. Видно было, что гости уже давно рвутся за столы, но хозяйка по какой-то причине все еще выжидает.

– Что-то я Кирилла Андреевича не вижу, – подошла к Аллочке Гутя.

– Да что там – Кирилла Андреевича, даже шофера его нет! – с досадой отозвалась Аллочка.

– Ой, я уже звонила Кирюше, – тут же подскочила Жанна. – Он сегодня встречает партнеров по бизнесу, никак не может вырваться пораньше. Просил, чтобы мы его не ждали, приедет попозже. И, конечно же, Степан прибудет вместе с ним... Господа! Прошу за столы! Кирилла ждать не будем, он задерживается. Он только что отзвонился, просил не ждать... Дела, – и она с милой извинительной улыбкой развела руками. – Валентина, уведите детей наверх, там накрыты чудесные столики.

Няня увела детвору, гости с шумом стали усаживаться. Глаза заблестели веселее, голоса зазвучали громче, а томные девушки, не дожидаясь первого тоста, принялись стремительно стрелять глазами в сторону одиноких красавцев.

– Вовчик! Садись, я тебе здесь место держу!

– Мне вон того салатика... да нет же, я вам на другой показывала! Что вы мне какую-то гадость положили?

– Да хватит вам ковыряться. Ешьте, что дают!

– А что это бабушки Виолетты не видно? Говорят, она чуждо вышла замуж!

– Поэтому ее и не видно. Не хочет дразнить своего маль-

чика молодыми телами, ха-ха-ха!

– Да нет же, девочки! Она приезжала, привезла Машутке старые серьги в подарок, а они даже не золотые.

– Какой ужас! Так сэкономить на ребенке. А вы сами что подарили? Мы, например, маленькую гоночную машину. Простенько и со вкусом.

– Мы тоже простенько. Мы подарили карусель. Сейчас ее во дворе устанавливают. И тоже со вкусом, между прочим!

– Да что там ваш вкус, ха! Кирилл свой дочери обещал подарить домик на островах. Теперь по агентствам носится, выбирает.

– А Жанна что?

– Жанночка против. Но думает, что папаша уймется. А какое там уймется, если он уже договорился, в каком банке кредит оформлять будет! Не помню только, где – то ли на Мальдивах, то ли на Гавайях. Вот это я понимаю – простенько! Сейчас бумаги оформляет!

– Обалдеть! И что девочка с этим домиком будет делать? Кстати, мы совсем недорого могли бы за ним присмотреть. Буквально за символическую плату. Да, а Вета где? Ее сегодня не будет?

– Жанночка сказала, что она придет чуть позже со своим мальчиком.

– С ума сойти, как растут дети! Еще сама с мальчиками не нагулялась, а уже дети туда же...

– Да у вас-то никаких детей нет, гуляйте с кем хотите!

Под этот мерный рокот гости насытились довольно быстро. Хозяйка, услышав, что вилки и ножи гремят уже потише, тут же притащила Машеньку, поставила ее на стул и заставила пролепетать стишок. Умиленные гости кинулись дарить подарки. Потом Машеньку унесли, и гости накинулись на обновленный стол. Аллочка уже наелась и теперь, дабы не скучать, кидала лукавые взгляды на высокого блондина в темно-сиреневом костюме. Блондин рассыпался в комплиментах, но, поскольку Неверовы сидели от него далеко, Аллочке никак не доставался его лучистый взгляд.

– Аллочка, ты сейчас из платья выпрыгнешь, – прошипела Варька. – И вообще, сколько раз тебе говорить – если берешь мои наряды, то хоть шалью сверху прикрывайся, у тебя все складки наружу!

– Зато как смотрится грудь! – парировала Аллочка и снова потянулась со своим фужером – чокнуться с блондином.

Потом снова пили, ели, красавец-блондин все никак не замечал прекрасную даму на другом конце стола. Аллочка заскучала. Поэтому, когда все пошли курить, она вскочила первой.

– Аллочка, ты куда? – накинулась на нее Гутя. – Там только сигары курят. Ты хочешь выкурить сигару?

– Я хочу хоть что-нибудь еще, кроме стола, – огрызнулась Аллочка. – В конце концов, я могу пойти в бильярдную. И если никто из мужчин не додумается составить мне компанию, одна шары погоняю!

Она явно лукавила. Аллочка слишком хорошо знала, что некоторые из мужчин обязательно уединятся в бильярдной, и лучше туда прийти раньше них, а то опять потом начнут эти родственники шипеть о правилах приличия.

В это время в гостиной уже включили музыку, но Аллочка не осталась. Может быть, она и прослушала бы пару мелодий, но блондин удалился курить, второго свободного молодого человека уже подхватила и повела на танец чья-то бесстыжая рука, и интерес к музыке у гостей пропал.

Бильярдная находилась на первом этаже, но в другом конце дома. Аллочка уже не в первый раз была в гостях у Назаровых, и провожать ее не требовалось. Завернув по пути в дамскую комнату и подправив красоту, она уверенно толкнула тяжелую дверь.

В бильярдной было темно. Аллочка включила свет, и над роскошным столом вспыхнули три абажура.

– Ну вот, потренируюсь пока в одиночестве, а там...

И тут горло ее сжал леденящий ужас, крик застрял глубоко внутри, а сердце, казалось, резко оборвалось куда-то вниз.

За бильярдным столом, возле большой разбитой вазы, лежала Виолетта, а голова ее покоилась в какой-то черной луже. Вся поза девочки была настолько неестественна, что Аллочка ни минуты не сомневалась – она мертва.

– Фо... ма-а-а-а... – просипела Аллочка.

Медленно, шатаясь, боясь повернуться к девочке спиной, она вышла из бильярдной, захлопнула дверь и только потом

понеслась обратно к гостям.

– Жанна!! – кричала она. – Жанна! Фома!!! Да Гутя же!

В гостиной все так же гремела музыка, скакали пьяненькие гости, и криков Аллочка никто не слышал.

– Гутя! Фома!! – подбежала к своим Аллочка и тихо выдохнула: – Там... там Виолетту убили... в бильярдной...

– Тихо! – рывкнула Гутя, ни минуты не сомневаясь в том, что сестра говорит правду. – Ты сейчас такую панику устроишь... Фома! Давай в бильярдную. В конце концов, ты у нас врач или кто?

– Да слышу я, – уже направился туда Фома. – Варьку не пускайте.

– Варька, звони в милицию, – распоряжалась Гутя. – А ты, Аллочка, найди Жанну.

– Сама знаю... – тяжело дышала Аллочка. – Вот только б знать, куда она провалилась!

Гутя унеслась за Фомой, Варька побежала за ними следом, на ходу нажимая на кнопки сотового телефона, а Аллочка принялась заглядывать во все двери подряд – где-то же должна быть Жанна!

Хозяйка выскочила из какой-то двери совсем неожиданно, наткнулась на Аллочку и невероятно смутилась:

– Аллочка?... А я... я тут... подарок Машеньке запрятала, не помню куда... – глупо хихикнула она, подхватывая гостью под руку. – Ну, пойдемте же к гостям! А отчего вы не танцуете?

Аллочка остановилась, вперилась взглядом в молодую женщину и четко произнесла:

– Там в бильярдной лежит Виолетта. Мне кажется, она уже мертвая.

Жанна сначала даже не поняла, что ей сказали.

– Аллочка, пойдемте же танцевать! Ну, что вы упира... Аллочка, вы что – много выпили? Что вы мне сейчас такое... Где, вы говорите, Виолетта?

Она все еще не могла поверить, поэтому разумное мышление у хозяйки дало сбой.

– Зачем вы меня пугаете? – постепенно начал доходить до нее смысл сказанного.

– Пойдемте в вашу бильярдную... Я честно предупреждаю, Аллочка: я, конечно, вам многим обязана, но такие шутки!.. Вряд ли я смогу вам это простить...

– Да какие, к черту, шутки! Я чуть сама там не скончалась! – рывкнула на нее Аллочка и потащила молодую женщину за собой.

В бильярдной, кроме Неверовых, все еще никого не было. Фома стоял на коленях возле девочки, Гутя перекрыла собою дверь, а возле двери тряслась Варька и беспрерывно тыкала в кнопки.

– Ты кому? – кивнула Аллочка на телефон.

– В милицию... и ее, этому... Назарову. У Назарова телефон недоступен.

Жанна по инерции быстро прошла к столу, увидела за ним

лежавшую на полу падчерицу и, тихонько охнув, стала медленно сползать на пол, цепляясь за стол.

– Аллочка! Уведи ее! – крикнул Фома. – Уберите ее куда-нибудь!

– Варька! Уведи Жанну!

Варька подхватила потяжелевшую вмиг Жанну и поволокла ее из комнаты.

– Как она? – глупо спросила Аллочка о Виолетте.

– Уже никак, – поднялся Фома, старательно вытирая руки платком. – Она об стол... головой... но не сама. Ее кто-то по голове ударил. И сильно. Девочка не могла так упасть, чтобы разбить голову... вдребезги. А как ты на нее натолкнулась?

– Я не наталкивалась, просто пришла поиграть в бильярд, включила свет, а тут она...

– Ты хоть ничего здесь не трогала? – всхлипнула Гутя. – С тебя станется...

– Что это с меня станется? – тихо возмутилась Алла. – Что я – в первый раз, что ли? Ко мне ведь всякие ужасы липнут, как блохи к собаке. Я уж в таких-то вопросах целую собачью свору съела...

Аллачка не врала. С подобными ситуациями ей уже приходилось сталкиваться. Мало того, она даже несколько раз находила преступников! Только все равно никто ее стараний не оценил, и всерьез умную сыщицу не воспринимали.

– Да уж... – вздохнула Гутя. – Только давай сейчас все предоставим милиции, я и без того себе места найти не мо-

гу... Не вмешивайся ни во что!

Аллочка засопела. Ну как она может пообещать не вмешиваться, если ее помощь просто необходима доблестной милиции?

Через несколько минут в бильярдную просунулась голова Варьки. Молодая женщина усиленно моргала, кивала головой и делала Аллочке какие-то непонятные знаки.

– Варь, что ты рожицы корчишь? – спросил Фома. – Можно подумать, мы не видим.

– А я вас и не боюсь, мне Аллочка нужна, – быстро проговорила Варька. – Аллочка, пойдем, быстрее.

Племянница поволокла тетку куда-то по коридору.

– Пошли, еще быстрее! А то милиция приедет, и ты не увидишь, – шептала Варька на ходу. – Только тихо, мы с горничной Надей Жанне снотворное вкатили...

И она толкнула дверь.

Это была комната Виолетты, Аллочка здесь бывала. На кровати девочки теперь спала Жанна.

– И что? – не поняла Аллочка.

– Смотри, – потащила Варька тетку к столу. – Вот!

На столе Виолетты лежали какие-то тетради, книга, стопка чистой бумаги, а из-под стопки выглядывали газеты.

– Смотри, – тихо проговорила Варька, вытащила одну из газет и развернула.

На странице уже знакомыми Аллочке буквами было написано: «Готовься к смерти».

– Это... это что? – ткнула пальцем в газету Аллочка. – Откуда?

– Не знаю... – тяжело вздохнула Варька и виновато взглянула на тетку.

Аллочка не стала раздумывать, быстро схватила газеты, туго свернула и спрятала за пазухой.

– Не видно?

Варька помотала головой.

– И хорошо, только ты милиции не говори, что тут газеты были, ясно? – предупредила Аллочка. – Потом я над этим всем подумаю. Пойдем отсюда...

Она потащила племянницу к раскидистой пальме и, убедившись, что их никто не подслушивает, спросила:

– Как это ты нашла?

– Да я ничего и не искала, – приглушенно заговорила Варька. – Мне надо было оттащить Жанну куда-нибудь, а эта комната первой открылась, остальные все на замки позапирали. Ну, мы туда и... Жанна сразу плакать начала, что-то говорила... Потом я Надю позвала, она лекарство принесла. Я сидела, ждала, когда Жанна уснет, и комнату оглядывала. Я же знаю, что тут Ветка жила... Мало ли что могло на глаза попасться. Но комнатка чистенькая, ничего особенного я не заметила, подошла к столу, ну и... я сразу внимание на эти газеты обратила. С чего бы, думаю, на девчоночьем столе пресса завалилась? Посмотрела, а там...

– Хреновый ты, Варька, психолог, – со слезами на глазах

пролепетала Аллочка. – Говорила, что это меня только пугают, а тут, видишь, что делается?! Виолетту тоже пугали, а потом – раз, и... Вот и меня так же... когда-нибудь... раз и... бильярдным столом по голове...

– Хватит, а? Что за ересь ты несешь? – накинулась на тетку Варька. – Тут еще надо разобраться...

В это время из гостиной сюда донеслись бурные восклицания, крики и вопли.

– Что это они? – насторожилась Варька.

– Радуются чему-то... – пожала плечами Аллочка. – Они же ничего не знают... А вообще, надо посмотреть.

В гостиной творилось нечто невообразимое. Гости уже самостоятельно себя обслуживали, очевидно, ни в чем себе не отказывая, во всяком случае, в алкоголе. Они уже мало что воспринимали, однако появление хозяина с целой свитой коллег все же привело их в дикий восторг. Возле мужчин скакали хороводом ошалевшие мамочки, высоко выкидывая ноги.

– Аллочка! Здравствуйте! – заметил Аллу Кирилл Андреевич, когда она, прорвавшись через цепь хоровода, подошла к нему вплотную. – А где Гутиэра Власовна? Варя? Фома? И Жанны не видно... Что-то хозяйка не слишком гостей веселит...

– Какое, к черту, веселье!... Кирилл Андреевич, у вас большое горе... – одернула его Аллочка.

Но хозяин ни о каком горе слышать не желал.

– Какое горе, Аллочка? – весело кричал он. – Мы только что справились со всеми бедами! Только что отправили наших зарубежных партнеров восвояси, они остались жутко рады, а мы теперь имеем все основания для расслабухи. Кстати, знакомьтесь – это всё директора.

Директора мялись тут же, неуверенно поглядывая на гостей, и по глазам их было видно, что им не терпится присоединиться к общему веселью.

– Кирилл Андреевич, вы – мужчина? – набычилась Аллочка.

Тот как-то испуганно дернул бровью, выпучил глаза и, заикаясь, спросил:

– А... А... почему вы сомневаетесь? Я как-то не так выгляжу?

– Тогда пойдите со мной! – велела Алла.

– Вау! – взревели вокруг. – Молодец баба, сразу и проверять!

– Аллочка! Я за вами – хоть на край света, но боюсь, как бы нам не помешала Жанна, – дурачился Кирилл Андреевич. – Она дико ревнива!

– Да хватит вам идиота корчить! – прикрикнула на него Аллочка. – Идемте же, что вы упираетесь?

Кирилл Андреевич развел руками перед гостями, дескать, ничего не могу поделать, желание женщины – закон, и подхватил Аллочку под руку.

– И куда мы с вами отправимся, соблазнительница? – уже

в коридоре шутил он.

– Я же вам говорю – у вас горе. Вы хоть подготовьтесь как-то, что ли! Ну... я не знаю... улыбку эту дурацкую уберите, брови сдвиньте. Сделайте такой вид, словно у вас... беда. Говорю же – горе стряслось!

– Да никакого горя у меня нет, с чего вы взяли?

– Есть! – топнула ногой Алла. – Ну что мне с вами спорить, что ли?

– А! Понимаю! Петровна опять сожгла мясо, да? Я ее сегодня же уволю.

Возле бильярдной Аллочка резко остановилась.

– У вас дочка погибла. Виолетта. Возьмите себя в руки!

– Ну уж, знаете что? – начал было Кирилл Андреевич, но Аллочка уже впихнула его в комнату, проскользнула следом и закрыла двери.

Больше Назарову ничего говорить не пришлось. По лицам Гути и Фомы он понял – свершилось нечто ужасное. И уже в следующий момент взгляд его упал на лежавшую недвижно дочь.

– Это что?.. Фома... Гутиэра Вла... Это... О боже! Виолетта... Веточка... девочка моя... – забормотал он, опускаясь перед дочерью на колени. – Господи, кто ее так? Она дышит? Я вас спрашиваю! Ну скажите же...

– Так-так-так, никому ничего не трогать!

Неверовы дружно подавили вздох – в бильярдную входили четверо мужчин в милицейской форме.

Глава 2

Кому нужны большие деньги?

Домой Неверовы вернулись скорее рано, нежели поздно. Им казалось – лишь только они доберутся до заветных кроватей, как тут же упадут без сил, настолько их вымотал сегодняшний тяжелый вечер. Сначала бурное веселье, потом такое потрясение в бильярдной, а затем еще долгие беседы с милицией...

Самих Неверовых опросили в первую очередь. Однако сыщица Аллочка из своего богатого опыта уже знала – стоит сейчас только уйти домой, и она никогда не узнает, что же удалось накопать милиции. За долгие годы своих поисков Аллочка не раз помогала милиции, делилась с ними своими находками, но вот милиция с Аллочкой – никогда! Поэтому, выйдя из бильярдной после разговора с сердитым усталым майором, она тут же развела бурную деятельность – прилипла к двери, а Варьку определила подслушивать к розетке в соседнюю комнату. Гутя же расположилась с другой стороны окна. Нетрудно представить, в каких скрюченных позах провели дамы остаток вечера. И ведь что самое обидное – ничего, за что бы можно было зацепиться, они так и не выяснили! Зато им по несколько раз пришлось выслушать откровения каждого гостя.

– Ну и что? – набрасывались на Аллочку женщины, когда Фома вез их домой. – Надо было нам в этой засаде торчать столько времени! Ничего не узнали, а уже могли бы часа три спать.

Аллочка только сопела. Откуда она могла знать, что эти гости настолько непродуктивные.

– Нечего на нее нападать, – неожиданно поддержал ее Фома. – Зато представьте, сколько сил и времени она вам сегодня сэкономила. Это ж сколько свидетелей вам пришлось бы обежать, расспросить, если бы не ваши уши!

И Аллочка воспарила. Да! Она была права. И даже дома сыщица не успокоилась. Да и никто из Неверовых спать не торопился.

– Я все равно узнаю, кому могла помешать Виолетта, – громыхала по дому тапками Аллочка и, как флагами, размахивала газетами с известными уже угрозами.

– Ты все-таки хочешь сама распутать это дело, правильно я поняла? – напрямик спросила Гутя.

– А ты хочешь, чтобы я отправилась вслед за Виолеттой? – вскинулась Аллочка и сунула газеты прямо в нос сестре. – Вот! Ей ведь тоже послания приходили, а она, наверное, как и я – не верила. И вот тебе пожалуйста!

– А если... а если это не ей посылали, а она? Буквы печатные... даже переведены через трафарет... – осторожно заметила Варька. – Так что, кто это написал, мы не знаем.

– Это вы не знаете! А я знаю – не она! – бегала по комнате

Аллочка. – Зачем? Зачем ей саму себя пугать?

– А если не себя? – предположила Варька. – Если она тебе, к примеру, это писала?

– Варя, у тебя последние мозги рассосались, – сообщила девушке трепетная тетя. – Зачем Ветке просить у меня денег, если я совершенно нищая?! Вот скажи, Гутя, когда ты мне в последний раз давала деньги? Говори-говори, не стесняйся! Не помнишь? А я скажу. В понедельник. Какие-то дохлые пятьсот рублей!

Как-то так случилось, что Алла Власовна нигде не работала. С ее отсутствующим образованием найти достойную работу оказалось очень не просто, и поначалу решили, что она будет сидеть дома и вести домашнее хозяйство Неверовых. Пока не подыщет работу. Потом как-то само собой выяснилось, что и хозяйство она вести не умеет, и работу искать ей уже не хочется, и вообще – гораздо удобнее так. Однако единственная вещь не давала Аллочке жить спокойно – у нее совсем не водилось денег. Гутя выдавала ей какие-то суммы, но так редко...

– А эти деньги – не те, из-за которых пишут записки! Это и не деньги вовсе, а милостыня, – все больше расходилась Аллочка. – Я бы даже сказала – пенсия!

– Аллочка, ведь это только на карманные расходы... – виновато заморгала Гутя.

– У меня, между прочим, не такие малюсенькие расходы. Да просто стыдно! За такие деньги на меня даже порядоч-

ный вор позариться не может. А только псих какой-то – только перепиской занимается. И конечно же, это не Ветка! Она знает, что писать надо Гуте, а не мне. Я недавно их с Жанной в магазине встретила, просто не знала, куда от стыда деться. Они знаете как платья покупают? Знаете? Они просто фасон выбирают, а цену им уже на кассе говорят! А мы – сначала на ценничек глянем и уж, если только он подходит, ищем, что бы на себя натянуть.

Тут Аллочка рухнула на диван и театрально возложила руку на лоб.

– Как стыдно быть нищей, боже, как стыдно! – воскликнула она.

– Так иди работай... – наивно предложил Фома.

– Варька! – вскочила Аллочка. – Если твой муж еще что-нибудь скажет!.. Я вообще!.. Я не знаю что! Фома! Иди покорми кота Матвея! Он уже давно мявкает, а от тебя все равно никакого толку!

Фомка подхватил толстого кота и потащился с ним в кухню, жалуясь на судьбину:

– И как только мы, Матюха, с ними живем? Нет, я, конечно, могу и удалиться, но если кто-нибудь когда-нибудь попросит меня поставить градусник... Матвей, я тебе как мужик мужику обещаю... Такую клизму задвину!

– И все же, – настаивала Варька. – Почему Виолетта никому не говорила, что ей приходят такие записки? Может быть, она сама их и писала?

Аллочка уже вовсю сопела паровозом – она терпеть не могла, когда ее не слушали.

– Гутя! Объясни своей дочери, что Сигизмунду венок вручала какая-то тетка, и вообще это была не Ветка, я же видела.

– Правда, Варя, что ты заиклилась? – упрекнула дочь Гутя. – И потом – откуда ты знаешь, что Вета никому не говорила об этих угрозах? Не станут ведь Назаровы распространяться об этом каждому встречному и поперечному. Надо поговорить с Жанной, с Кириллом Андреевичем, спросить...

Варька печально вздохнула:

– Их сейчас и трогать не хочется, у людей такое горе... Когда я с Жанной в той комнате сидела, думала, она с ума сойдет, честное слово...

– И меня Кирилл Андреевич чуть не пришиб, когда я ему об убийстве рассказала, – обиженно вспомнила Аллочка. – Так что вы тоже были на волосок от горя, сейчас, может быть, и меня бы оплакивали...

– Аллочка! Прекрати немедленно! Ну что за дурь тебе в голову лезет! – прикрикнула на нее Гутя.

Но Аллочке жутко понравилось себя жалеть, поэтому она фантазировала дальше:

– Вот придушил бы меня Назаров, как вы бы сейчас мучились! Гутя, ты бы плакала: «Аллочка, сестричка моя ненаглядная! Отчего я для тебя денег жалела! Какая я подлая! Жадина-говядина!»

– Хватит! – рявкнула Гутя и сурово скомандовала: – Всем

спать. Уже вставать пора, а мы еще и не ложились. А ты, Аллочка, если хочешь и в самом деле убийцу найти, завтра к Назаровым поезжай и переговори с прислугой. Я надеюсь, ты хотя бы дня три пощадишь самих родителей.

– У меня уже намечены переговоры с Петровной, с Надей, кстати, нужно побеседовать и со Степаном – он очень ценный свидетель! И еще... Завтра не будите, мне надо иметь свежую голову и хорошо выглядеть. И потом, надо еще записать план действий!

И она величаво отбыла в опочивальню.

– Варь, дай что-нибудь успокоительное, – попросила Гутя и вдруг спросила: – А ты как думаешь – нашей Аллочке и в самом деле угрожает что-то серьезное?

Девушка с сомнением пожала плечами:

– До сегодняшнего дня я была уверена, что эти угрозы – чьи-то нелепые шутки, но... Я помогу Аллочке в поисках преступника.

– Что там – помогу, – вздохнула Гутя. – Все его искать примемся...

– Варька! Как пишется – «опросить» или «опрасить?» – высунулась из своей комнаты Аллочка.

– Да кто твои записки Шерлока Холмса проверять будет, – отмахнулась племянница.

– Несознательная! – сморщилась тетушка. – Я же потом свою тетрадь передам милиции! А может, и на телевидение ее пошлю, ну, чтобы потомки знали, и все такое...

– Гутиэра Власовна, – появился в комнате Фома. – Вы просили успокоительное.

– Так я у Варьки просила, а ты как догадался? – вздрогнула Гутя. – Опять, что ли, подслушивал?

– Не опять. И не подслушивал. А держал ситуацию под контролем! – гордо тряхнул кудрями Фома. – Кстати, поскольку я постоянно нахожусь на работе, то настоятельно требую – держать меня в курсе всех событий. И если атмосфера станет хоть чуточку накаляться... Я, как единственный мужчина в доме, приказываю – немедленно прекратить все передвижения и ждать меня, ясно?

– Так точно! – браво отсалютовала теща и тихо добавила: – Каждый суслик – агроном, ну прямо все командуют...

Наутро Фома унесся к себе в клинику, Варька побежала на работу, писать заявление на отпуск по семейным обстоятельствам, а Аллочка привела себя в порядок и направилась к Назаровым. Те были наслышаны о том, что Алла Власовна бредит детективами, поэтому должны были встретить ее с благодарностью. Во всяком случае уж не станут они отказываться отвечать на ее вопросы.

Но в доме ни Кирилла Андреевича, ни Жанны не оказалось. Да и прочей прислуги не наблюдалось, только в кухне Петровна одиноко гремела кастрюлями.

– Здравствуйте, а вот и я, – с улыбкой появилась в дверях Аллочка.

– Не очень-то и ждали, – буркнула пожилая повариха.

Аллочка на ее грубость даже не обратила внимания. Петровна всегда славилась своими изысканными блюдами и отвратительным характером. И каждый раз Кирилл Андреевич стоял перед вопросом – то ли уволить повариху за склочность и плюнуть на желудок, то ли пожалеть организм и начихать на всех остальных, потому что никому от Петровны просто житья не было. До сего дня, похоже, господин Назаров именно чихал, потому что вредная баба еще работала.

– А где я могу увидеть Кирилла Андреевича? – спросила Аллочка и потянула носом – от кастрюль веяло головокружительным ароматом, а пироги на столе просто дышали! – Или Жанну?

– Нигде! Вот завтра поминки будут, тогда милости просим, а сегодня нечего здесь околачиваться! – недобро сверкнула глазами повариха и проворчала себе под нос: – Ходют и ходют... того и гляди, сопрут что, а отвечать завсегда мне...

Но Аллочка не сдавалась:

– А Надя, горничная, где?

– Где-где! В Караганде. Нету вашей Нади. Исчезла, и никто не знает куда. Одна я тут за десятерых! Никаких рук не хватает.

У Аллочки от изумительных запахов что-то заскулило в животе.

– Еще брюхом тут урчит стоит! – зыркнула на нее тетка.

– Вы на меня не кричите! – не выдержала Аллочка. – Я, между прочим, к вам не просто так хожу, брюхом урчу. Я –

детектив. Убийство расследую!

– Да все вы хороши! Кто дефектив, кто просто пожрать ходит. А вчера, между прочим, ктой-то тушу свиную спер из холодильника! А мне сегодня хозяин нагоняй устроил. А разве ж я за всеми угляжу? Вот ты чего толкешься, спрашивается? Чего выглядываешь? Курицу хочешь утянуть? Я тя половником-то! Ступай отсюда! Сказано тебе – никого нету.

И тут с Аллочкой случился приступ неожиданной наглости. Она, спокойно глядя в глаза сварливой поварихе, схватила со стола пирожок и затолкала его в рот.

– Совсем совесть потеряла... – растерянно пробормотала та. – Одурела... Да я ж тебя сейчас пришибу сковородой! Да я ж убью тебя, дрянь такая!..

– Вот еще один сопру... – ухватила Аллочка второй пирог. – И убивайте на здоровье. За такие пироги и умереть не жалко.

Из-за этого неслыханного поступка пожилая женщина, вопреки всему, не кинулась на гостью с кулаками, а по-доброму хихикнула.

– Неужель так понравились? – лукаво блеснули ее глаза. – Это меня еще моя бабка научила стряпать. Возьми еще пирожок-то, чего по одному таскаешь... А дома и впрямь никого не найдешь. Сам хозяин носится, мечется с похоронами дочки, почернел весь, хозяйка повезла Машеньку к матери, чтоб не пугалась девчонка, а Надька... сбежала, наверное, откуда мне знать! Завтра в два похороны, в ритуальном

зале все будут, а сегодня не до тебя им. Ступай домой, не гневи душу!

Аллочка решила, что и впрямь – лучше не гневить. Завтра в два она приедет и всех застанет.

На следующий день на похороны к Виолетте Неверовы собрались в полном составе. Хотели приехать сразу же в ритуальный зал. Однако в самый последний момент оказалось, что у Фомы какие-то неотложные дела с машиной – надо было что-то подтянуть, подлить и поменять.

– Вот у нашего Фомочки каждый раз так! – все больше зверела Аллочка, то и дело выглядывая во двор, где стояла Фомкина красавица, возле которой он крутился, словно ошпаренный пес. – Легче самой помереть, честное слово, тогда бы быстрее на кладбище добрались!

– Если тебе так не терпится, можешь такси вызвать, – не выдержала Варька. – А если он коврики не помоеет, мы, может быть, и не доедем никуда.

Аллочка такси вызывать не хотела – не было лишних денег, поэтому она ненадолго примолкала и только строила в окошко страшные гримасы, но потом снова принималась ворчать.

В ритуальный зал они, конечно, опоздали, подъехали, когда люди уже бросали комья земли на гроб.

– Вот и хорошо, – шепнула Аллочка Гуте. – А то я как представлю Ветку... в этих цветочках искусственных...

Скорбящих было много, и все больше – знакомые родители. Подруг Веты не было совсем, и мальчика, с которым Виолетта обещала познакомить Аллочку, тоже не было видно. Гости в своих черных одеждах «от кутюр» выглядели немного напыщенными и были, казалось, все на одно лицо. Правда, и Кирилл Андреевич, и Жанна отличались от прочих своим неподдельным горем и тем, что вовсе не обращали внимания на то, как в данный момент они смотрятся. Они держались друг возле друга, и оба словно немного сгорбились из-за этой беды.

– Странно как-то... – шептала Варька на ухо Аллочке. – А где подружки-то? Или хотя бы одноклассники...

– И я смотрю – одни старики какие-то, – бурчала Аллочка. – Словно на экскурсию пришли... Давай, Варвара, рассредоточиваемся, послушаем, что в народе говорят.

Варя послушно отлепилась от тетки и медленно прошла в толпу, прислушиваясь, о чем говорят люди. Говорили разное – кто-то обвинял родителей, что не доглядели, а кто-то хвастался, что удалось купить обалденный крем от целлюлита. Варька высмотрела среди провожающих грустного старичка в темном пальто и встала рядом с ним, печально опустив голову.

– Как жалко... – негромко проговорила она, явно рассчитывая на то, что старичок поддержит беседу. – Совсем еще девочка...

– Понимаю... – обиженно поджал он сморщенные губки. –

А если я вот, к примеру, не девочка, так меня и не жалко будет, так, по-вашему?

– Да что вы! – добавила в голос сердечности Варька. – И вас жалко невыносимо, но... она ведь в это жизни еще совсем ничего не видела!

– Откуда вам знать, барышня? – прищурился старик. – Хотя... девочка, как видно, была не распущенной, как вся нынешняя молодежь. Сейчас ведь какая молодежь пошла, вы обратили внимание?

Варьке вовсе не хотелось пускаться в диспут по поводу молодежи, но старичок уже прицепился к ней намертво.

– Вы слышали, как они говорят?! Эти всякие «приколоться», «прикид», «стремно»! Они ведь совершенно не углубляются в дебри родного языка!

– А меня мой сын вообще ботом зовет или батоном, когда я пьяный прихожу, – обернулся к ним изрядно подвыпивший мужчина солидной наружности.

– Вот! – воскликнул старичок и припал к Варькиному плечу. – Вот вы, красавица, знаете, что такое «выползень»?

Варька тихонько вздохнула и постаралась высвободить локоть из цепких пальцев старичка:

– Я не знаю, но обязательно поинтересуюсь, – пробормотала она. – А вы не знаете, отчего Вету не пришли провожать одноклассники?

– Сейчас не об этом речь, – отмахнулся старичок и крепче ухватился за ее руку. – Выползень – это как раз таки насеко-

мое, которое выползло из личинки!

Варьку передернуло.

– А пукля? Ведомо ли вам, что такое пукля? Это вовсе не болезнь живота, как вы думаете: это локон! Завиток из волос, да! Приходите ко мне сегодня же вечером, я вас погрузу в мир удивительно забытых слов, прекрасных...

– Скажите, – невежливо перебила его Варька и указала на странную женщину, которая держалась чуть в стороне от остальных. – А вон та женщина кем Виолетте приходится?

– Да откуда я знаю! – обиделся старичок. – Я и вовсе здесь посторонний. Приходил к матушке, могилку убрать, а тут такие пышные похороны, да еще и журналисты с фотоаппаратами. Я так думаю: если меня щелкнут, я обязательно в газете проявлюсь.

Варька уже с силой освобождала свой локоть – не любила она посторонних зевак у могил.

– Ну? Что тут у вас? – подошла к дочери Гутя. – Вы так неприлично шумите...

– Да вот, – нахмурилась Варька. – Прицепился, никак не отрывается...

– Молодой человек, – обратилась Гутя к старичку. – Узнайте, в какой школе училась Виолетта. Нам неудобно, а вам все равно.

Старичок с готовностью закивал и потрусил выпрашивать нужную информацию.

У Фомы дела продвигались не многим лучше. Ему не при-

шлось прислушиваться к чужим разговорам: повариха Петровна узнала его сразу же и немедленно выбрала в качестве поддержки. Всем тучным весом она оперлась на руку Фомы и принялась тихонько выть, размазывая по щекам слезы.

– Ы-ы-ы-ы... бедное дитячко-о-о-о, – выла она, не забывая внимательно разглядывать скорбящих. – Ох ты, горюшко горькое-е-е... Глянь-ка! А Сифонов-то со своей новой приперся! Молоденькую урвал, старый боров. Ишь ты-ы, девка-то совсем, видать, из яслей, моложе нашей Ветки!.. Ой, ты ж Веточка-а-а, а и нет тебя с нами теперича-а-а... Слышь, как тебя? Фома, точно. Глянь, а Кикимовы-то какой веночек бедненький притащили! Пряма только два цветочка на проволочке, вот жадюги! Ы-ы-ы-ы-ы!

Прервать ее монолог не было никакой возможности, однако Фома втиснулся:

– Я вот из родственников Виолетты здесь никого не знаю, только Кирилла Андреевича и Жанну, а еще кто-нибудь пришел?

– А кто придет-то? Больше и нет никого! Мать у ей есть, так она алкашиха! Это ж все знают! Ее сюда и не пустят, чего позорить могилу-то? Бабку звали, Кирилла Андреича мать, так она, как узнала, что с внучкой стряслось, сразу же и больной сказала. У нее, видите ли, ноги отнялись! А мне так кажется – это она специально, чтоб лишний раз не волноваться. Она теперь все о здоровье своем печется, муж-то ей на двадцать лет моложе попался! А ноги... Да на хрена ей

ноги? Ну, отнялись, так ей что ими – на соревнованиях бегать, что ли?

– А где мать Виолетты живет, вы не знаете?

– Как не знать! Ха! Она ж сперва-то к Ветке постоянно бегала, а Кирилл Андреич мне и говорит – ты, говорит, Петровна, одна ее отвадить можешь, у тебя язык-то, что помело, любого отбреешь. Ты, говорит, ее и проводи. Ну и когда мать-то Веткина пришла, я ее, как и велено было, – проводила. Аж до самой квартиры. Она, правда, упиралась, будто ее казнить ведут, ну да у меня не забалуешь. Я ж и Степку привлекла, водителя Кирилл Андреича. Это потом оказалось, что надо было только со двора ее погнать. Но как мне велели, так я и... зато уж потом я эту матушку!.. А и все одно – жаль бабу. На пьянку все променяла, а потом сама себе рада не была, да уж ничего не повернешь.

– Так где она живет? – снова напомнил Фома.

– Вот знаешь, где... – завертела головой прилежная работница. – Вот знаешь, где магазин «Оладушка»?

– «Ладушка»? – переспросил Фома.

– Ну да, «Ладушка», так вот в этом самом доме и проживает, прямо в нем. А квартира... на третьем этаже. Да ты спроси, где Верка Назарова живет, тебе и скажут. Мы тогда тоже – спросили да еще и рожу Веркину в окошко машины высунули, нам и показали.

– Так, значит, мать Виолетты Верой зовут?

– Ну да, еще и Григорьевной величают... Ой! Гляди-ка,

а Трушина-то Лизка как намалевалась! Прямо будто в цирк пришла, обезьяна!

Фома вновь постарался перевести разговор в нужное русло:

– Погодите, я слышал, что у Веты мальчик был. Что-то не видно его...

– А и не увидишь, – сверкнула глазами Петровна. – Он же ж какой тебе мальчик? Он же ж знаешь какой детина! Два тебя будут! А Веточка у нас худенькая... бе-е-едненькая-я-я... детонька-а-а... Его Максимом зовут. Там такой Максим! Максимище!

– А он где живет?

– Вот его я до дома не провожала, ничего сказать не могу, прямо хоть ты меня здесь всю изрежь!

Фома не собирался никого резать – на работе-то всех не перерезать, поэтому он замолк и постарался незаметно от дамы отделаться. Но не тут-то было.

– Ты ж, сокол мой, я слышала, хорошим доктором работаешь? – вдруг прищурилась Петровна. – Вот ты мне и скажи, вот у меня тут, в пояснице... дай-ка покажу... вот тут, повыше копчика, бывает, так кольнет, так кольнет, что хоть на стенку карабкайся, – это вот к чему? К перемене погоды, аль, может, какой орган у меня оторвался? Или, может, чего съела, так упало не туда?

Фома возвел глаза к небу и терпеливо постарался объяснить даме, что органы просто так не отрываются и так запро-

сто ничего никуда не падает. При этом он настойчиво пытался освободиться от крепких дамских рук, но у Петровны по поводу ее здоровья накопилось еще множество вопросов, поэтому выпускать добычу она не собиралась.

Все время, пока родственники пытались добыть хоть какую-то информацию, Аллочка отиралась возле Кирилла Андреевича и Жанны и все выискивала момент, когда можно будет напомнить печальной чете, что она, собственно, уже почти взялась за дело, и ей надо только немножко помочь – назначить время, когда им удобно будет с ней переговорить. Однако удобного случая никак не представлялось. И Аллочка отважилась напомнить о себе более настойчивым образом.

– Кирилл Андреевич, Жанна, примите мои соболезнования... – уже в который раз трогала она за руку скорбящую женщину. – Я обязательно найду убийцу вашей дочери! Обязательно! Это мой долг!

– Спасибо, Аллочка, – вытирала мокрые глаза Жанна. – Вы чуткая женщина, но... вы нам ничего не должны...

– Да нет же, я по долгу службы...

– Жанночка! – подлетела к мачехе погибшей дамочка среднего возраста. – Ты так убита горем! Тебе надо врача... Куда у нас врач-то пропал? Леша! Ну куда врача подевали?

– Ирина, не надо врача, я еще держусь...

– Ну прямо! Держится она, я что – не вижу? Прямо вся черная, как старуха какая-то... Да Леша же!

Тут же подсказывали какие-то новые лица:

– Кирилл Андреевич, вас снимают, сделайте красивое лицо... Так! Отойдите все от отца девочки! Не загораживайте план! Не лезьте в кадр!

Среди всего этого безумия поговорить о деле не было никакой возможности. Когда от могилы девочки все потянулись к своим машинам, Аллочка предприняла еще одну попытку.

– Кирилл Андреевич, у меня к вам предложение... – начала было она, но в это мгновение произошло нечто непредвиденное.

Через толпу провожающих вдруг рванулась какая-то тень, кинулась к Аллочке и вцепилась ей в пальто:

– Это ты! Ты – убийца! Из-за тебя Веточка погибла! Из-за тебя, мразь!

Женщину мгновенно отцепили чьи-то крепкие руки и в ту же минуту отволокли в сторону здоровенькие ребятки из охраны Назарова. Аллочка даже не успела испугаться как следует, а ее уже нигде не было видно.

– Что это было? – ошарашенно повернулась она к Кириллу Андреевичу.

– Это небольшое недоразумение, простите нас... – качнул головой тот. – Охрана не доглядела.

– А кто эта женщина? – допытывалась Аллочка.

– Я... я расскажу вам об этом позже, если позволите... – тяжело вздохнул Кирилл Андреевич.

– Позволю, – немедленно оживилась Аллочка. – Значит, завтра, в десять утра, я и позволю, хорошо?

– Как вам будет угодно, – склонил голову Назаров, бережно взял под руку Жанну, и они двинулись к машине.

– Давно бы так... – вздохнула Аллочка и еще раз огляделась по сторонам – незнакомой женщины нигде не было видно.

В ресторан, на поминки, Неверовы решили не ехать. Они явно чувствовали себя чужими, а нужные разговоры все никак не получались.

– Давай, Фома, заводи свой «Мерседес», – скомандовала Аллочка, усаживаясь в машину.

– Ну... не «Мерседес», конечно, но уж и не «Запорожец», – обиженно бурчал Фома. – Уже и моя иномарка им не подходит, только «мерсы» подавай...

Действительно, среди крутых массивных авто Фомкина машинка смотрелась несколько бедновато, но это сейчас никого не беспокоило.

– Гутя, хоть ты не зря среди народа шныряла? – недовольно спросила Аллочка.

– Почему это я шныряла? – вздернулась Гутя. – Мы с Варькой, между прочим, узнали, что Виолетта училась в школе номер три, в десятом классе «А», завтра туда и наведаемся.

– А я вызнал адрес родной матушки Виолетты, – похвастался Фома. – Верой Григорьевной ее зовут. Пьет первая

женушка Кирилла Андреевича, вот такая некрасивая история. Потом расскажу, как к ней наведаться, у самого точно не получится – работа.

– А что это за тетка на меня прыгнула, кто-нибудь узнал? – сурово вопрошала Аллочка.

Пассажиры переглянулись.

– Кто это на тебя прыгал, ты что? – покрутила пальцем у виска Гутя.

– И я ничего не слышала, – пожала плечами Варька. – Там вроде все нормально было.

– Да как же нормально-то? – накинулась на нее тетушка. – Я стою, значит, себе с Назаровым, мы высчитываем, когда он ко мне на прием сможет прийти, а тут откуда ни возьмись баба сумасшедшая! И прямо мне на грудь рушится! Вы куда смотрели-то?

– А-а, – закивал головой Фома. – И еще кричала, что ты – убийца, да? Я что-то такое слышал, но меня эта Петровна как арендовала на весь день, так я и вывернуться не смог. Я, кстати, и сам хотел вас спросить – что случилось?

Аллочка воздела глаза к небу и гулко застонала:

– О-о-ой, ну и помощничков бог послал! Пошли, называется, обстановку разведать. У них на глазах чуть ближайшую родню не растерзали, а они – ни ухом ни рылом! «Что случилось»! Какие из вас сыщики? Меня едва не отправили на тот свет, а вы даже глазом не моргнули.

Гуте уже надоели причитания сестрицы, хотя приходи-

лось признать – кое в чем они сегодня и впрямь лопухнулись.

– Ну ладно тебе, Расскажи лучше – что за тетка? Как выглядит, во что одета?

– А я разглядывала ее, что ли? – огрызнулась Аллочка. – Она на меня набросилась, как коршун на птаху. Конечно, я морально испугалась и не смогла четко разглядеть линии ее внешности...

– Понятно, ты такой же детектив, как и мы, – фыркнула Варька, – ее саму чуть не разорвали, а она даже лица не запомнила!

– У меня был шок! Слышала – звезда в шоке? Это как раз про меня придумали.

Спорить не хотелось. Хотелось побыстрее приехать домой, прийти в себя и уже с завтрашнего дня вплотную заняться ловлей преступника.

На следующий день Гутя с Варькой отправились в школу, где училась Виолетта.

Нашли не сразу, сначала помотались по городу – ни один прохожий не мог назвать ни одной школы. Справочная по телефону таких сведений не давала, оставалось только звонить Назаровым, а их следовало тревожить лишь в самую последнюю очередь. Потом Варьке пришла в голову идея – зайти в первый же книжный магазин и посмотреть в справочнике города, где же находится сие учебное заведение. Оказалось, что в другом конце города.

– Сейчас проедем туда-сюда, у детей уроки кончатся, –

переживала Гутя.

Но этого, к счастью, не произошло. По школьным коридорам носились шумные толпы прилежных учеников, учителя осторожно прижимались к стеночкам, и только залиvistый звонок вмиг вернул тишину в эти стены.

– С ума сойти, и как тут только учатся, – покачала головой Варька. – Так ведь без травмы точно домой не вернешься.

– Постарела ты, дочь моя, – фыркнула Гутя. – Когда я к тебе в школу приходила, вы еще не то вытворяли. И ничего – ты не боялась... Стой здесь, я к директору.

Гутя узнала у бабушки-дежурной, как найти начальство, поднялась на второй этаж и уверенно постучалась в дверь.

– Здравствуйте, – не дожидаясь ответа, смело шагнула она в глубь большого светлого кабинета. – Вы – директор этой школы?

За столом сидела маленькая, кругленькая, как дыня «Колхозница», женщина и быстро перелистывала бумаги.

– Вы по какому вопросу? – не отрываясь от них, спросила она.

– Я первой спросила, – настойчиво напомнила Гутя и усе-
лась на стул перед женщиной.

– Ну да, да! Я директор, а что вы хотели? – она наконец взглянула на Гутю, и неожиданно глаза ее блеснули хищными блеском. – Ну наконее-е-ец-то! А я уж думала, вы до нас так и не доберетесь.

И директриса откинулась на спинку кресла, сложила руч-

ки кренделем и с недоброй усмешкой стала разглядывать Гутю.

– А почему вы раньше к нам не могли добраться? Опять дела, да? Совсем нет времени, правильно я понимаю?

Гутя растерянно заморгала глазами, и пыл ее поубавился. И в самом деле – почему это они с Варькой на троллейбусе тащились, когда можно было поехать на такси, куда быстрее вышло бы.

– Да знаете, ведь пока мы вашу школу нашли... – начала она объяснять, но директриса закивала головой.

– Понятно-понятно... что-то подобное я и ожидала услышать. Спасибо за откровенность, – опять съязвила директор и, сдвинув брови, пошла в наступление: – А я бы хотела сказать, что вам надо почаще здесь появляться! Да! Вы сейчас с дочерью пришли?

– Да... – пролепетала Гутя, чувствуя себя отпетой негодяйкой. – Она тоже... только она на первом этаже осталась, робеет, так сказать...

Директриса округлила глаза и запела:

– Ах, так она у вас еще и робе-е-е-ть умеет! Какая приятная неожиданность! Значит, как в школьном дворе курить – она не робеет, учителя «козлом» обозвать – с нашим удовольствием, в унитаз дымовушку бросить – всегда пожалуйста! А как со мной поговорить, так девочка оробела!

Гутя, слушая ее, все шире раскрывала рот и хваталась за сердце, и, когда инфаркт был уже близок, она вдруг выдох-

нула с облегчением:

– Ф-ф-фу ты... Ну, напугали! Послушайте...

– Нет уж, это вы меня послушайте! Вы теперь обязаны внести в школьный фонд двадцать тысяч! И это только за унитазы. А за моральный ущерб – еще десять. И не надо мне говорить, что у вас нет денег, я прекрасно осведомлена о ваших доходах, – вскочила со своего кресла директриса и швырнула перед Гутей два исписанных листа. – У меня два педагога уволились из-за вашей девочки!

– Да нет же, – еле удалось Гуте вклинить в ее разъяренную речь. – Моя дочка уже давно не девочка!

– А то кто-то этого не знает!

– Да дайте же мне сказать! – рывкнула Гутя, и директор рассерженно примолкла. – Я не то хотела... Моя дочь уже давно не ученица! Она у вас не учится, вы меня с кем-то просто перепутали. Я пришла по поводу Назаровой Виолетты!

Директриса все еще недоверчиво косилась на Гутю, но было видно, что женщина пока просто не находит слов.

– Виолетта убита, и я, как... как старший следователь, пришла к вам. Хотелось бы услышать, что это была за девочка, нужно опросить ее подруг, всех, с кем она общалась, учителей. А вы мне слова не даете сказать!

Теперь упражнения со ртом выполняла директриса.

– Вы? Следователь?.. Ой, боже мой, как же неловко вышло. Значит, так, о десяти тысячах за ущерб забываем, и с вашей девочки всего десять... за унитазы.

– Никаких унитазов! – категорически заявила Гутя. – Моя дочь к ним никакого отношения не имеет. Она тоже расследует убийство.

– То есть... – все еще с недоверием переспросила начальница. – Вы не мама Иры Щукиной, да?

– Нет, не мама.

– Очень плохо, – сникла директор. – У меня сегодня была назначена встреча с госпожой Щукиной, похоже, она опять проигнорировала наш сигнал... Тогда я не понимаю – а вы чего хотите?

Гутя ругнулась про себя, но постаралась объяснить еще раз:

– Я по поводу Назаровой Виолетты. Она погибла, мы ищем преступника.

– Ах, ну да, конечно-конечно...

– Вчера девочку хоронили, и от школы не было ни одного человека, – не удержалась Гутя.

– Как это – ни одного? Да от нас там и Зинаида Егоровна была, и Викентий Демидыч, и Анна Александровна! Мы их с уроков отпустили, специально. Но часы я им обещала поставить. Что вы такое говорите? – чистосердечно возмутилась директриса. – Мы еще и венок приносили. Там так прямо и написано – «От школы на вечную память»... ой, что я такое говорю? Просто «От школы»! Вы меня совсем запутали!

Гутя стушевалась. И в самом деле – вчера они высматривали только молодежь, а учителей и не догадались опро-

силь...

– И все же, – не сдавалась она. – Мне интересно, почему не было девочек? Ребят? У Веты были плохие отношения со сверстниками?

Директриса немного помялась, потом нехотя заговорила:

– Да нет, я бы сказала – даже очень хорошие. А вот почему они не пошли... Об этом вы у них сами спросите. Сейчас я вызову Элю Прохину и Карину Пушко, они все расскажут.

Женщина вышла из кабинета, крикнула кого-то и дала задание – немедленно притащить сюда Прохину и Пушко.

– Только я бы хотела вас предупредить... – замялась милая женщина-директор. – Девочки выглядят немножко... я бы сказала – нестандартно. Но, надеюсь, вы прикроете на это глаза, все же, сами понимаете – трудности переходного возраста, поиск себя как личности к тому же, Каринин папа поставляет в школу компьютеры, а у Эли мама – директор строительной фирмы. Но... уж пожурите, не без этого.

Вскоре в кабинет вошли две высокие девушки весьма эпатажного вида. Одна носила прическу сочного малинового цвета, над глазами лиловыми тучами сгустились тени, а губы лоснились от помады. При этом она была увешана железными кольцами, браслетами, цепями и прочим металлоломом, а пуп ее был украшен самым настоящим замком от почтового ящика. Вторая девушка была стрижена наголо и голым пупом не сверкала, она была простенько одета в зеленый купальник и длиннющие сапоги – ботфорты. О том, что

их родители весьма почитаемы в этом учебном заведении, девушки, видимо, не забывали ни на секунду, потому что в глазах их плескалась только смертная скука, а рты беспрестанно что-то жевали.

– Девочки, – ни капли не удивилась внешнему виду своих учениц директор. – С вами пришла побеседовать следователь. Вы ей о Виолетте расскажите. А я не буду вам мешать.

Директриса быстренько подхватила и унеслась, оставив Гутю и девочек в кабинете одних.

Девчонки, не смущаясь, расположились в креслах, закинули ногу на ногу и с откровенным любопытством стали разглядывать «следователя». Гуте даже на мгновение сделалось не по себе, но в конце концов ее это даже разозлило.

– Не знаю, стоит ли вас опрашивать... – нахмурилась она. – Я вообще-то просила пригласить подруг Веты.

– А мы что – не подружки, что ли? – фыркнула малиновая. – Мы вобще с Веткой везде тусовались, скажи, Эль!

– А чё за опрос-то? – яростно жевала жвачку лысая Эля.

– То есть... вы и есть ее подружки? – наступала Гутя. – А что же вы не пришли на кладбище? Вчера вашу подругу хоронили, а вы даже веночка ей не принесли.

– Да потому что специально! – подалась вперед Эля, затрепетала ноздрями и уставилась в окно.

– Вы, наверное, подумали, что мы такие лахудры – забыли, что у Ветки похороны, то, се, да? – вскинулась и малиновая Карина. – А мы специально! У нас все продумано!

– И потому что у нас протест! Принципиально!

Гутя скорбно почесала нос:

– Боюсь, что вашего протеста Виолетта не оценила. Я даже больше скажу – она его не заметила, ей теперь все равно, хоть запротестуйте до посинения. А вот проводить в последний путь подругу могли бы.

– Вот именно! – подскочила Эля. – Ей теперь все равно, а эта ее мымра!

– А эта ее мачеха поймет! – подхватила Карина. – И вот пусть она теперь!..

– Погодите, погодите... – соображала Гутя. – То есть вы хотели выразить протест Жанне? А чем она вам так насолила? Ей и без вас горя хватило.

– Ха! Горя! – дрыгнула сапогом Эля. – Да она только рада, что Ветки теперь нет! Она ж ей всю плешь проела. Она ж ей дышать не давала!

– Не, ну мы вам правду говорим, чё нам врать-то?! Мы поэтому и протест придумали, – пояснила Карина. – Или мы такие дуры, да? Не понимаем, что эта Жанночка будет стоять там на кладбище и сопли в платок складывать от горя! Вроде как она так переживает, так переживает!..

– Да на этот спектакль просто смотреть не хотелось! – снова дернулась Эля. – Вот я бы, например, обязательно ей правду в глаза высказала, а ведь возле могилы это нельзя, там же тихо должно быть, скучно, все дела, вот мы и не пошли, чтоб не сорваться.

– Ага, точно, – мотнула головой Карина. – Вот так и протест показали. Но мы все равно как-нибудь этой Жанне...

– Да с чего вы так на нее накинудись? Чем она мешала жить Виолетте? – не могла понять Гутя.

– Да тем и мешала!.. – выкрикнула Карина и надула губки. – Однажды увидела, как мы возле подъезда пиво пьем, так потом Ветке с нами вообще запретила встречаться. Ну, дескать, мы такие оторвы, воспитание у нас ни к черту, все такое...

– И прикид ей покупала не модный! Сама, главное, на деньгах Веткиного папашки сидела, а одевала ее, как лохушку! Платьишко, юбочку, тьфу, даже вспомнить противно.

– А скажи, как она ее в клуб не пускала, да? Главное, у нас там тусняк, Ветка аж трубой ревет – просится, а та, блин, как упрется!

– Ага! Не, главное, папашке Веткиному все по барабану, а эта чума цементом прикинется, и не прошибешь!

– И мотоцикл не хотела покупать, а Ветка от мотоциклов ваще тащилась! А эта Жанночка, антилопа, блин! За голову ухватится, глазки закатит и давай на уши давить: «Ты не представляешь, как это опасно! Я не переживу!» Ага, не переживет она. Денег жабилась, да и все.

– А когда Ветка с Максом тусоваться стала, так Жанна ваще! В петлю скручивалась, а Ветку не пускала с ним! Даже телков хотела к Ветке приставить, – перечисляла Эля все обиды, причиненные мачехой их подруге.

– Простите, кого приставить? – не уяснила Гутя.

– Ну, охранников, типа, телохранителей, чё тут непонятного, – фыркнула Эля и от возмущения стала жевать жвачку в четыре раза быстрее.

– Ага, – поддакнула Карина. – А еще, главное, помнишь, Эль, Ветка рассказывала, сама, мол, ей говорила: «Когда ты познакомишь нас со своим мальчиком? Когда познакомишь?» А когда Ветка познакомила, та губы надула, морду скривила. И потом ей выдала: «Он тебе не пара!» Можно подумать, Ветка без нее не знает, кто ей пара, а кто нет! Эль, скажи, да?

– Да она вообще Ветку терпеть не переваривала!

Девушки еще долго возмущались, в каких нестерпимых условиях произрастала их подруга. Да этой мачехе, по мнению душевных подруг, надо было не на кладбище идти, а прямо сразу в ментовку! А потому, что это она толкнула Ветку на преступление. Не, ну, не на преступление, а на это... на собственное убийство. Ну и что, что не самоубийство, а потому, что Ветка бы все равно так долго не продержалась! И поэтому они вот как собрались все вместе, всем тусняком, и все! И на кладбище – ни ногой! А потому что – протест! Да и чё там делать? Там же все такие, как их... печальные же вообще... Не, ну а вообще они реально из-за принципа! Пусть эта чума теперь локти лижет!

Потом девицы стали повторяться, и Гутя поняла – больше ничего нового она не услышит.

– А вы не знаете, где живет этот парень? Его, кажется, Максом зовут? – спросила она у подружек.

Девчонки на минутку задумались, потом обе покачали головами.

– Да фиг его знает...

– Он в клубе постоянно трется, – вдруг вспомнила Карина. – В «Плесени». Там у любого можно спросить Макса, вам покажут.

– А если не того покажут? – осторожничала Гутя. – Фамилия-то у него есть?

Девчонки переглянулись.

– Не, а на фига нам фамилия? – искренне не понимала Эля. – Мы не знаем, может, у него и есть...

– У него на шее, сзади, татушка такая, дракончик маленький, так что не спутаете, – проявила сообразительность Карина.

Больше Гутя задерживать подруг не стала, тем более что и директриса уже раза два заглядывала в кабинет.

– Ну и как? – спросила Варька, встречая мать уже в школьном дворе. – Что-то ты долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.